

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

Николай Бердяев

Философия неравенства

*«Глоссы эти, в которых я хочу
подвести итог всем мыслям моим
по социальной философии,
обращая непосредственно
к моим недругам, людям
враждебного мне духа,
противного мне чувства жизни,
чуждых мне мыслей».*

*«Человеческое общество имеет
вечные основы, и основы эти
говорят о вечном, а не слишком
временном и тленном в прошлом
и настоящем».*

Николай Александрович Бердяев

Философия неравенства

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177077

*Николай Бердяев Философия неравенства: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2006
ISBN 5-17-038078-X, 5-9713-2765-8, 5-9762-0178-4*

Аннотация

Философия неравенства. *Письма к недругам по социальной философии.*

«... Письма эти, в которых я хочу подвести итог всем мыслям моим по социальной философии, обращаю непосредственно к моим недругам, людям враждебного мне духа, противного мне чувства жизни, чужих мне мыслей. Много у меня недругов, бесконечно больше, чем друзей, и очень разнообразны они, с самых противоположных сторон обступают они меня. ...»

Содержание

Письмо первое	4
Письмо второе	19
Письмо третье	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Н. Бердяев

Философия неравенства

Письма к недругам по социальной философии

Письмо первое

О русской революции

Письма эти, в которых я хочу подвести итог всем мыслям моим по социальной философии, обращаю непосредственно к моим недругам, людям враждебного мне духа, противного мне чувства жизни, чужих мне мыслей. Много у меня недругов, бесконечно больше, чем друзей, и очень разнообразны они, с самых противоположных сторон обступают они меня. Самые первые мои недруги – это недруги моей веры, это – отступившие в духе своем от Христа, предающие Его и восстающие на Него во имя земных идолов и богов. Мир вступает в такое трудное и ответственное время, когда должно быть религиозно изобличаемо всё двусмысленное, двоящееся, прикрытое и переходное. Не мир, но меч принес Христос. И мечом духовным должен быть рассечен мир на стоящих за Христа и против Христа. Но это основное деление не может быть механически и внешне применено к бесконечной сложности жизни. В Евангелии нет той раскрытости и полноты, которые позволяли бы непосредственно применить евангельские критерии ко всем жизненным оценкам. Всякая жизненная оценка ставит перед духом человеческим творческую задачу. В Евангелии дана лишь закваска новой жизни, лишь семя, из которого произрастает высшая жизнь духа, но нельзя видеть в нём собрание правил и заповедей. В Новом Завете нет положительного откровения христианской общественности. Проблема отношения христианства и общественности – сложная творческая проблема, поставленная перед свободным человеческим духом; она не допускает упрощенного и однообразного решения. Проблема христианской общественности всегда была великим соблазном и для верных христиан, и для врагов христианства. Христом и Евангелием очень злоупотребляли для самых противоположных целей. Самая крайняя реакционность и самая крайняя революционность одинаково готовы оправдать себя христианством. Слишком ясно, что абсолютность христианского духа не может быть так легко переведена на относительность исторического мира. Всегда остается несоизмеримость. Одинаково ошибаются и те, которые считают христианство благоприятным абсолютному цезаризму, и те, которые считают его благоприятным анархизму. Христианство так же не реакционно, как и не революционно, из него нельзя извлечь никаких выгод для мира сего.

Ныне торжествуют в мире те, которые хотели бы или совершенно опрокинуть христианство, или извлечь из него революционные выгоды, выгоды социалистические и анархические. Против этих недругов прежде всего направлена моя книга. Их хочу я изобличить, ибо в них грядущая опасность и грядущее зло. Зло прошлого, отошедшего, умершего или умирающего менее опасно. Антихрист явится в грядущем, его соблазны – грядущие соблазны человечества. В старом зле нет этой острой соблазнительности двоящихся и двусмысленных образов грядущего. Нет в мире народа, который был бы так подвержен этим соблазнам двоящихся и двусмысленных образов грядущего, образов антихристовых, как мой народ, народ русский. Нет в мире страны, которая могла бы так легко сделаться очагом этих соблазнов, как моя страна – Россия. Вам, отравившим душу русского народа страшным ядом, вам, губившим Россию, посвящаются мои письма. Вас много, вы – большинство, вы давно начали свою

работу, вы начали свою работу, подтачивающую духовные основы жизни русского народа, как угнетенные, с невинной и возвышенной проповедью гуманных и прогрессивных идей. Но скоро начал обнаруживаться дух ваш, дух небытия, скоро превратились вы в угнетателей. Сначала вы были угнетателями духовными, вы овладели слабыми душами русской интеллигенции, вы стали гонителями всей высшей духовной жизни и объявили бойкот всем, кто верил в высшие духовные реальности и духовные ценности, кто признавал религиозный смысл жизни и религиозную цель жизни. Вы оправдывали своё гонение тем угнетенным положением, в которое вы были поставлены ошибочной политикой старой власти. Но настал час, когда окончательно обнаружилась ваша природа, – вы получили возможность быть и материальными угнетателями и создали неслыханную тиранию, грозящую окончательно уничтожить человеческий образ. Вы всегда были ненавистниками свободы, всегда были гасителями человеческого духа, истребителями божественного. Вы всегда продавали человеческое первородство за чечевичную похлебку преходящих благ и временных интересов. Вы – истребители вечности, вы хотели бы вырвать из человеческого сердца чувство вечности и тоску по вечности. Это через вас время, приносящее смерть, ведет борьбу с вечностью. Я давно уж чувствовал это, давно духовно боролся с вами в меру сил своих. Ныне начинают узнавать вас и те, которые раньше были соблазнены вашим духом, все эти просветители, прогрессисты и гуманисты, остававшиеся на поверхности жизни, не ведавшие зла, прекраснодушные, невинно мечтавшие о благе народа и о счастье на земле. Мы давно уже предупреждали, давно уже вскрывали, к чему приведут те пути, по которым шло интеллигентное русское общество и на которые толкали русский народ. Говорили мы и о той страшной ответственности, которая падает на власть имевших, на классы господствующие, почти ничего не делавшие для творческого предотвращения этого рокового ниспадения России и русского народа в бездну. Пусть вспомнят ныне сборник «Вехи» и оценят его более беспристрастно.

План этой книги зародился в стихии русской революции. И писать её я начал в день годовщины революции. Менее всего я собираюсь писать систему социальной философии. Время таких систем прошло уже. Я хочу вскрыть духовные основы общественной мысли, дать то, что можно было бы назвать онтологической психологией или феноменологией общественности. Русская революция дает внутренние импульсы и толчки для такой работы мысли. Революция дает великий опыт и обостряет все основные проблемы социальной философии. Не сама революция обостряет и углубляет мысль. Наоборот, те, которые делают революцию и захвачены её потоком, выброшены на поверхность и теряют всякую способность различения и углубленных оценок. Люди эти оторваны от глубины, от всех источников духовной жизни и не способны ни к какому познанию. Но в духовной реакции на революцию, во внутреннем её осмысливании обостряется мысль, углубляется познание и много нового приоткрывается. Есть такие, которые думают, что революция – религиозна, и что русская революция – религиозна по преимуществу, что в ней рождается новый человек, открывается новое сознание. Такая игра в сопоставление революции и религии, такое покрытие революционной стихии пышным одеянием религиозной фразеологии, такое мистическое её идеализирование есть духовное блудодейство. Рассудочный прозаизм настоящих революционеров, делающих революцию, а не поэтизирующих и не мистифицирующих её со стороны, в тысячу раз лучше и чище. Когда романтический, лирический поэт начал петь гимны неистовствам революции и писать статьи, оправдывавшие все её злодеяния, он обнаружил лишь разложение собственной души, потерявшей всякое различие между правдой и ложью, между реальностями и призраками, и совершил предательство Духа. Вы, люди духа и духовного творчества, призванные быть «хранителями тайны и веры», когда вы пассивно и бессильно отдавались господствующим стихиям, когда потворствовали бушующей черни, гро-

мощней величайшие святыни и ценности, когда не нашлось у вас ни одного сильного слова в защиту вечности и высшей жизни духа, вы явили собой самое жалкое и низменное зрелище. В самый страшный и ответственный час жизненных испытаний, когда проявляется удельный вес всех человеческих мыслей и слов, всех человеческих верований и упований, вы оказались духовно немощными и растерянными, потеряли все критерии духа, у вас не оказалось собственных слов, добытых из духовного опыта общения с вечностью. Вы заговорили чужими словами, и шум улиц и площадей почувствовался в ваших речах и статьях. Вы не обнаружили рыцарской верности и рыцарского благородства, вы оказались плебеями духа. Вы забыли вечное различие между рыцарями духа и чернью. В вас никогда не было силы духа, вы не стяжали себе даров духа. Вы – слабые, безвольные, двоящиеся люди, неспособные к цельному избранию предмета любви, своей истины, правды и красоты. Если красота ваша, правда ваша, истина ваша зависят от дуновения ветров, от бушевания стихий, от шума и гула улиц, площадей и дорог, то у вас нет красоты, нет правды и нет истины, вы нищие, не вооруженные в час борьбы, не готовые к войне. А иные из вас любили говорить, что человек должен заковать себя в броню, надеть латы и шлем, взять щит и копье. Где же оказались ваши рыцарские доспехи в час битвы, в страшный час рокового поединка противоположных духов? Вы оказались слабыми и колеблющимися, как тростник, безоружными и незащитными. Из малодушия начали вы выдумывать оправдания своей слабости перед темными силами, своего потворства духам тьмы. Но никого вы не обманули. Вы лишь унизили достоинство русского писателя, русского поэта, русского мыслителя. Имен ваших я не буду называть, меня интересуют сейчас явления духа, а не отдельные люди с их слабостями, с их загадочной судьбой. Революция никогда не была и никогда не может быть религиозной. Революция, всякая революция, по природе своей антирелигиозна, и низки все религиозные её оправдания. Но революция большого масштаба может иметь религиозный смысл, в ней можно искать знаки Промысла Божьего, «судьбины Божьей приговор». Этот смысл и эти знаки вижу я и в самой антирелигиозной из всех революций, в революции русской.

Революция есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла. Так смотрели на французскую революцию те, которые глубже вникали в её смысл, не останавливались на её поверхности. Для Ж. де Мэстра революция была мистическим фактом, он считал её провиденциальной, ниспосланной свыше за грехи прошлого. Карлейль, написавший лучшую историю революции, видел в ней последствия неверия, потери органического центра жизни, наказание за грехи. Революция – конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения. И осуждением до революции господствовавших слоев общества бывает то, что они довели до революции, допустили её возможность. В обществе была болезнь и гниль, которые и сделали неизбежной революцию. Это верно и по отношению к старому режиму, предшествовавшему революции русской. Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет, и потому прорвалась тьма снизу. Так всегда бывает. Это – закон жизни. Революциям предшествует процесс разложения, упадок веры, потеря в обществе и народе объединяющего духовного центра жизни. К революциям ведут не созидательные, творческие процессы, а процессы гнилотные и разрушительные. Чувство любви, порывы творчества, акты созидания никогда не приводят к революциям. На всякой революции лежит печать безблагодатности, богооставленности или проклятия. Народ, попавший во власть революционной стихии, теряет духовную свободу, он подчиняется роковому закону, он переживает болезнь, имеющую своё неотвратимое течение, он делается одержимым и бесноватым. Не люди уже мыслят и действуют, а за них и в них кто-то и что-то мыслит и действует. Народу кажется, что он свободен в революциях, это – страшный самообман. Он – раб тёмных стихий, он

ведется нечеловеческими элементарными духами. В революции не бывает и не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы. В стихии революции темные волны захлестывают человека. В стихии революции нет места для личности, для индивидуальности, в ней всегда господствуют начала безличные. Революцию не делает человек, как образ и подобие Божие, революция делается над человеком, она случается с человеком, как случается болезнь, несчастье, стихийное бедствие, пожар или наводнение. В революции народная, массовая стихия есть явление природы, подобное грозам, наводнениям и пожарам, а не явление человеческого духа. Образ человека всегда замутнен в революции, затоплен приливами стихийной тьмы низин бытия. Тот светлый круг, который с таким страшным трудом образуется в процессе истории и возвышается над необъятной тьмой, в стихии революции заливается дурной бесконечностью ничем не сдерживаемой тьмы. Дионисова стихия свергает всякое аполлоново начало, всякую форму и границу, всякий лик и образ, связанный с формой и границей. Наивно думать, что народ, попавший во власть закона революционной стихии, вошедший в магический круг революции, может быть руководим более разумными, просветленными и умеренными направлениями, жирондистами или кадетами. Нет, в революциях неотвратимо господство якобинцев или большевиков. Болезнь должна быть изжита, яд должен сам себя истребить. Руководить революцией невозможно. И напрасно вы, делающие революцию и прославляющие её, думаете, что вы руководите ею, управляете и созидаете. О, как наивны, как темны и бессильны вы, думая, что вы свободны, что дух свободы действует в вас, что вы активны, что вы могущественны. Нет, вы – бессильные и пассивные рабы, рабы темных страстей, орудие темных стихий. Вы, большевики, максималисты, анархисты и т. п., – вы – самые пассивные люди, духовно бездвижные, не способные к сопротивлению стихиям, к душевному усилию, одержимые энергиями, вне вас находящимися. Не видно вашего лика и нет у вас лика. Вы – медиумы безликих стихий, в вас говорят чужие голоса, и в голосах этих нельзя разобрать голоса человеческого, а слышен лишь шум и рев элементарных природных стихий. Напрасно вы, люди революции, думаете, что вы – новые души, что в вас рождается новый человек. Вы – старые души, в вас кончается старый человек со старыми своими грехами и немощами. Все ваши отрицательные чувства – злоба, зависть, месть – приковывают вас к старой жизни и делают вас рабами прошлого. Вы – пассивный рефлекс на зло прошлого, вы не можете освободиться от него. Но у вас нет памяти о добре прошлого, о нетленной истине и красоте в нём, у вас нет памяти творческой и воскрешающей.

Был ли Робеспьер новой душой, новым человеком? Нет, он до глубины своего существа был старым человеком, человеком старого режима, полным старых насильнических инстинктов. Французскую революцию делали старые души, и они внесли в нее все старые грехи и страсти. Новая душа родилась позже, после глубокой духовной реакции на революцию, когда Шатобриан писал своего «Ренэ» и «Гения христианства». Тогда началась новая эра, внутренне отличная от двух предшествовавших столетий. Новый человек родился в католической и романтической реакции. Это удостоверено самыми позитивными историками. Напрасно вы, делатели революции, одержимые её демонами, думаете, что вы – творческие люди и дела ваши – творческие дела. Напрасно думаете вы, что эпохи революций – творческие эпохи в жизни человечества. Вы люди, совершенно лишённые творческого духа, обделенные им, ненавидящие и истребляющие творчество. Ибо поистине творчество – аристократично, оно есть дело лучших, оно не терпит власти худших, господства толпы, которой служите вы. Есть ли творческий дух в Робеспьере или Ленине? Не истребители ли они всякого творческого порыва? Творчество не терпит равенства, оно требует неравенства, возвышения, оно не допускает оглядки на соседей, как бы не опередить их. Дух революции, дух людей революции ненавидит и истребляет гениальность и святость, он одержим черной завистью к великим и к величию, он не терпит качеств и всегда жаждет утопить их

в количестве. Никогда в эпохи революций не процветало духовное творчество, не бывало религиозного и культурного возрождения, не бывало расцвета «наук и искусств». Измерение революции – плоскостное, а не глубинное. В революциях нет подлинного внутреннего движения. Революция означает остановку внутреннего движения. Революция лишь внешне динамична, внутренне же она статична. Революции никогда не ценят людей духовного движения и духовного творчества; они извергают этих людей, часто ненавидят их и всегда считают их ненужными для своего дела. Ваши бурные внешние движения, люди революции, не должны вводить в обман. В этих движениях есть безвыходное кружение. В кружении этом изживаются пустые страсти. Движение революции всегда истребляет само себя, оно не ведет к новой жизни. Это не есть движение в глубину, это есть движение на поверхность поверхности. И с поверхности оно рассеивается, как пыль. Идите в глубину, люди революции, и все ваши неистовые движения, все ваши жесты и все производимые вами шумы прекратятся. Тогда начнется и в вас, людях поверхности жизни, истинное движение, тогда, быть может, и для вас откроется возможность творчества. Начало внутреннего движения, начало творчества, духовного углубления означает конец революции, начало реакции. Котел революции выкипает. И является потребность углубленно осмыслить опыт революции, познать трагические противоречия жизни.

Революция не духовна по своей природе. Революция рождается от убыли, ущербленности духовной жизни, а не от её подъема, не от её внутреннего развития. Лица людей, захваченных революцией, говорят о падении духовной жизни. Выражение этих лиц до ужаса недуховно, и оно уже является осуждением революции. Ваши лица выражают злобу и одержимость, на них нельзя прочесть ни углубленных мыслей, ни благородных чувств. Ваши лица не одухотворены, в них чувствуется падение до самых низин материального мира. Революция отрицает значение духовной жизни. Идеология революции исходит от внешнего и материального и им всё определяет, а не от внутреннего и духовного. И потому никогда люди духа не могут одобрить ваших революций, у них свои, неведомые вам революции. Революция духа ничего общего не имеет с вашими внешними, материальными, политическими и социальными революциями. Никогда Маркс не был революционером духа. Революционером духа был Ницше. Но что общего он имеет с вашими внешними революциями? Он их презирал как восстание плебеев. Революционером духа был Достоевский. Но вы его всегда считали консерватором и реакционером. А что вам делать с пророчески настроенным Вл. Соловьевым, что ему делать с вами? Всё, что было духовно значительного в истории русской мысли и русского творчества XIX века, было не с вами, было против вас. Величайшее явление русской культуры – Пушкин – не ваш. Вы его поносили и ниспровергали, вы ему противопоставляли печной горшок и сапоги. Даже Л. Толстой не любил вас и осуждал дела ваши. С вами были лишь люди второго и третьего сорта, ни одна гениальная мысль не родилась в вашей среде, не вышла от вас, от вашего бездарного серого духа. Вы – люди революции – люди духовной середины и посредственности, люди средних, серых, популярных мыслей. И ваша ярость – ярость серой массы, завидующей всякому величию, всякой славе, всякой гениальности. Природу вашу гениально постиг Достоевский и пророчески предсказал, к чему вы придете. Лишь в состоянии полной слепоты и одержимости можно сопоставлять и смешивать ваши революции с революциями духа. Революция духа рождается от глубокой внутренней реакции против ваших революций, против вашего отрицания всякого духа. Вы – гасители духа, вы – самые черные реакционеры в самом глубоком смысле этого слова. Вы всегда были гасителями мысли, инерция вашей мысли страшна, она производит впечатление окаменелости. Вы всегда гнали религию, философию, поэзию, эстетику жизни. Ваши революции делают не лучшее, а худшее, за революции хватаются и на них наживаются все считающие себя неудачниками и обиженными, все озлобленные, все пасынки Божии, а не

сыны Божии. Революции рождаются не от благородного сознания вины сынами Божиими, а от неблагородного сознания обиды сынами праха.

Все революции кончались реакциями. Это – неотвратимо. Это – закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее бывали реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг. Много мрачного бывает в реакциях, – в них та же ярость и мстительность, что и в революциях. И вы, люди чистой реакции, не способные выситься над плоскостным движением вправо и влево, над противоположностью революции и реакции, вы тоже не способны видеть истины более полной, более далекой. Вы часто бываете обратными подобиями революционеров. Но после потрясений яростной революции реакция неотвратима, в ней есть своя правда, преломленная в темной человеческой стихии. Вы, люди банального и плоского революционного сознания, привыкли употреблять слово «реакция» в поверхностном смысле слова, исключительно отрицательном. Вы противоплагаете «реакцию» всему прогрессивному, творческому, всякому развитию, движению. Для вас реакция есть застой или движение назад, возврат к тому, что было до революции. Это – неправда. В реакциях есть иная глубина. Реакция может быть и творческой, в ней может быть и подлинное внутреннее движение к новой жизни, к новым ценностям. И никогда реакция не возвращает просто к старой жизни. Во всякой духовной реакции на революцию открывается что-то новое, неведомое старому миру, рождаются творческие мысли. Нарождается что-то третье, отличное и от того, что было в революции, и от того, что было до революции. В третьем приоткрывается что-то новое, небывшее. Пережитое столкновение двух миров обостряет сознание, изощряет мысль, дает новое чувство жизни. Этому научает духовная реакция во Франции начала XIX века против революции. Вам, идеологам революции, советую я изучать это духовное движение и вникнуть в его поучительный смысл. Быть может, главное значение французской революции нужно видеть в том, что она вызвала в начале XIX века движение католическое и движение романтическое, оплодотворившее всю мысль XIX века. Явление Жозефа де Мэстра было самым замечательным результатом французской революции, более замечательным, чем явление Марата и Робеспьера внутри революции. «Прогрессивное», творческое значение идей Ж. де Мэстра начинают признавать самые позитивные и объективные историки мысли XIX века. В глубине своего духа пережил он страшный опыт революции, и от этого произошло углубление всей католической мысли. Ж. де Мэстр был уже новым человеком, человеком пореволюционным, а не дореволюционным. Он осуждал французских эмигрантов и их внешние реставрационные замыслы. И всё французское католичество XIX века было новым, пореволюционным католичеством, очень углубленным по сравнению с католичеством XVII и XVIII веков. «Реакционер» Ж. де Мэстр шёл так далеко, что допускал возможность нового откровения, откровения Св. Духа. Также новым, пореволюционным явлением был и христианский романтизм Шатобриана. Обращение «реакционеров» начала XIX века к прошлому и искание в средневековье своих корней было творческим обращением и творческим исканием. Рационалистическое просвещение, подтачивавшее духовные основы жизни французского народа и заразившее и самое католичество, было побеждено в творческой духовной реакции начала XIX века. И после этой творческой победы возврат к рационалистическому просвещению нужно рассматривать как реакцию мысли в самом отрицательном смысле слова. Католики и романтики эпохи духовной реакции против французской революции и против отрицательного просветительства – наши духовные деды. С тех пор наша мысль ещё более изощрилась, усложнилась и обогатилась новыми испытаниями, но по духу они нам близки, и чужды нам те, которые ведут свою генеалогию от Вольтера или Дидро. Я бы с радостью повторил слова Монталамбера: «Мы внуки крестоносцев и не уступим семени Вольтера». Вы же, люди революции нынешнего дня, не имеете предков, вы люди без происхождения, ибо происхождение от Робеспьера

или Маркса не является происхождением. Революционная идеология не может быть названа глубокой, она не знает древних истоков, она обречена быть поверхностной. Не глубоко в идеологии революции это рационалистическое отрицание зла, заложенного в природе человека и в природе мира, не глубок этот оптимистический взгляд на будущее. Революционный разрыв между будущим и прошлым может быть лишь отрыванием поверхности от глубины, отхождением от духовного центра жизни. Революционизм есть всегда разрыв между сыновней и отчей ипостасью, отрицание отечества, т. е. утверждение смерти и тления вместо вечной жизни. В ваших внешних революциях нарушается вечное иерархическое начало, начало органической связи, т. е. отрицается божественный миропорядок.

Русская революция имеет типические родовые черты, характерные для всякой революции. В ней раскрывается та же стихия, которая раскрывалась во всех революциях, над ней царит рок, царивший над всеми революциями. Все большие революции имели своё неотвратимое течение, все были яростны, злобны и мстительны, во всех революциях побеждали самые крайние течения, во всех революциях отрицалась свобода и искажался образ человека. Наивны и слепы были те из вас, которые делали себе иллюзии о революции и представляли её себе идиллической. Революции не идиллии, никогда революции не были прекрасными и добрыми, никогда не торжествовали в них лучшие стороны человеческой природы. Все революции будили темную и злую стихию в человеке, древний хаос. Никогда не были революции разумны. Никогда не приносили они радости и не давали того освобождения, о котором мечтали предшествующие поколения. Никогда в истории не бывает того, чего ждут мечтатели. И в русской революции, как и во всяком историческом событии, есть неповторимо индивидуальные особенности. Это особенности народа, не похожего ни на один народ мира, и особенности исторической обстановки, не похожей ни на одну из обстановок бывших до сих пор революций. Русская революция есть событие производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны. И революция эта имеет прежде всего один горестный и унижительный для русского народа смысл: русский народ не выдержал великого испытания войны. Все народы приняли участие в мировой борьбе с тем духовным и материальным багажом, который накопился у них за долгую историю. Русский народ оказался банкротом. У него оказалось слабо развитым чувство чести. Но не народная масса в том виновата, вина лежит глубже. И не об этой связи революции с войной хочу я сейчас говорить. Я хочу говорить об особенностях русского народа и о влиянии этих особенностей на русскую революцию. Русский народ непонятен западным людям. Непонятна им и русская революция. Вся ткань русской природы иная, чем ткань природы западной.

Русский народ не есть народ западноевропейский, он – в большей степени народ восточноазиатский. Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной. И эти две стихии в душе русского народа не были органически претворены в цельный характер, в единую волю и единый разум. Вы все, усвоившие себе верхушки западной мысли, но никогда не проникавшие в её тайники, вы, русские интеллигенты, в которых непросветленная восточная стихия соединяется с поверхностным западным сознанием, вы не способны к акту самосознания, вы бессильны постигнуть тайну России. И западники, и славянофилы не могли понять тайны русской души. Чтобы понять эту тайну, нужно быть в чем-то третьем, нужно вознестись над противоположностью двух начал – восточного и западного, и двух сознаний – славянофильского и западнического, нужно знать Восток не только по смутным переживаниям восточной стихии, и Запад – не только по поверхностному западническому сознанию. Острота познания рождается от выхода в третье из двух противоположностей. Россия есть великий и цельный Восток-Запад по замыслу Божьему, и она есть неудавшийся и смешанный Восток-Запад по фактическому своему состоянию, по эмпирическому своему состоянию. Вы, рево-

люционеры, – восточники по своей стихии и западники по своим учениям, вы загубили великий замысел Божий о России, вы помешали претворенью двух стихий и двух начал в высшую полноту, подлинную всечеловечность. Тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий – в недолжном, в ложном соотношении мужественного и женственного начала. В тайниках России, в душе русского народа не совершилось внутреннего брака, брачного соединения мужественного и женственного начала, не был осуществлен андрогинный образ. Мужественный дух не соединился органически с женственной душой России, не овладел изнутри народной стихией. В России не произошло того, что произошло во Франции, в Англии, в Германии, у всех народов Запада. Там на известной ступени развития в национально своеобразной форме пробуждался мужественный дух и изнутри, органически оформлял народную стихию. Русская земля всё оставалась женственной, всё невестилась, всё ждала жениха со стороны. Она отдавалась многим мужьям, со стороны приходившим, но никогда не происходило от этого истинного брака. Русский народ никогда не мог из собственных недр родить мужественной власти, он искал её на стороне, призывал варягов или немецких чиновников. Русская церковь и русское государство организовались и держались византийскими началами. Сама же русская стихия – хлыстовская, языческо-дионисическая и противокультурная. Разложение византийских начал подвергло опасности разложения и всю Россию. В строении великого русского государства, ныне сокрушенного и разделенного, был какой-то надрыв, какое-то нездоровое, ненормальное отношение народа к власти. Народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти. Народ был безвластен, анархичен, и народ поддерживал, санкционировал власть самодержавную, неограниченную. Неразвитость в России общественных классов и сословий и совершенно исключительное развитие начала бюрократического и было недостатком мужественности в народе, мужественной активности и самостоятельности. Русское самодержавие, как оригинальное явление русской жизни, объясняется исключительной женственностью русской души. Явлением мужественным в русском государстве был Петр. Но Петр был не столько мужем, сколько насильником. Он изнасиловал женственную душу русского народа. Законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него. Часть народа приняла Петра за антихриста. А потом покорно подчинился народ вошедшему через Петра немецкому бюрократическому началу. Петр вздернул Россию на дыбы, он призывал Россию к великому будущему. Но в женственной русской душе осталось глухое недовольство против мужественного призвания Петра, и оно перешло в озлобление. Русская интеллигенция целые столетия готовила уничтожение и истребление дела Петра. Раскол в душе России остался непреодоленным и привел к страшной катастрофе, к падению России как великого государства. В русской истории не было рыцарства, и потому не прошла Россия через закал и дисциплину личности, через культуру личной чести.

В русской духовной жизни, в русской духовной культуре всегда было то же надрывное и болезненное соотношение между мужественным и женственным началом, что и в жизни русского государства. Духовно народ русский слишком подчинился чуждой ему Византии, и это подчинение многое исковеркало в душе его. Византизм тяжелым гнетом лег на русскую жизнь. И под этим гнетом подымалась, бушевала и трепетала русская хлыстовская стихия. В самом русском православии было какое-то неорганическое смешение византизма и хлыстовства. Русское православие – оригинальное явление русского духа, оно очень отличается от греческого. Я говорю не о Вселенской Церкви, заключающей в себе единую истину, я говорю о своеобразной религиозности русского народа. Русский народ получил иное религиозное воспитание, чем народы Запада. Русский народ религиозно воспитан в культе святых и святости. Православная церковь дала русскому народу возможность вынести его тяжелую историческую долю. Но православное религиозное воспитание не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое

религиозное воспитание, а по-своему и протестантское. Католичество бронировало душу, давало душе твердые очертания и ясные, кристальные критерии добра и зла. Кристаллизованность католичества укрепляла душу, но она же и закрывала безбрежные и бесконечные перспективы, делала её недостаточно чуткой к мистическим веяниям. Русская душа оставалась в безбрежности, она не чувствовала грани и расплывалась. Темные стихии обступают русскую душу и овладевают ею, не встречая сопротивления. Поэтому русская душа восприимчива к духам, к которым мало восприимчива душа западная. Это можно назвать апокалиптичностью русской души. Но для исторической жизни, для создания культуры православие не воспитало русского человека. Западное религиозное воспитание и после отпадения от веры оставляло крепкий осадок в форме норм культуры, добродетелей цивилизации. Душа русского человека после отпадения от веры попадает во власть нигилизма. Француз бывает догматиком или скептиком; немец – мистиком или критицистом; русский – апокалиптиком или нигилистом. Самый трудный удел – удел русской души. Можно строить культуру догматически или скептически, мистически или критически. Но невозможно строить культуру ни апокалиптически, ни нигилистически. Апокалипсис и нигилизм – конец всего. Ни апокалипсис, ни нигилизм не признают срединного царства культуры. Потому так трудно русскому человеку участие в историческом процессе, в творчестве культуры. Он хочет, чтобы поскорее всё кончилось или всем или ничем. Русская народная стихия одинаково находит себе выражение и в черносотенстве, и в большевизме. Крайние правые и крайние левые у нас сходятся, как одна и та же темная стихия, та же смесь неосознанного и извращенного апокалипсиса с нигилизмом.

Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя немыслим народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому. Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в груды мусора. Царь предотвращал атомизацию России, он сдерживал анархию. Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре. Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная. С царем была связана и церковная дисциплина. Когда была вынута идея царя из души народа, душа рассыпалась, исчезла всякая дисциплина, всякая скрепа, всё показалось дозволенным. То, что создано долгой историей народа и связано с глубиной его духовной жизни, не может быть так скоро изменено. К этому все относились слишком легкомысленно, не только вы, русские революционеры, социалисты, анархисты, нигилисты, но и многие из нас. Женственная и пассивная душа русского народа подверглась разложению, когда выпала из нее дисциплинирующая мужественная идея царя. Православие много веков воспитывало русский народ в религиозной покорности царю. Самодеятельности же и самодисциплины народа православие не воспитало. Вот в чем одна из причин нашей трагедии. Это нужно признать независимо от того, какой политический идеал мы исповедуем.

Вы, русские мальчишки-интеллигенты, о которых так хорошо писал Достоевский, вы, женственные по своей природе, всегда искали духовного брака на стороне. Вы никогда не могли раскрыть мужественного духа изнутри, из собственной глубины, вы брали его на Западе, в западных мужественных учениях. В глубине вашей всегда шевелился русский, восточный хаос. Но с тем большим неистовством усваивали вы себе последние западные учения и отдавались им в каком-то исступлении. Мужественного закала духа вы никогда от этого не приобретали. Всего более искали вы мужественного оплодотворения в духе германском. Дух Маркса совершил над вашими душами самое страшное насилие. Мужественный германский дух давно уже ставил себе задачей цивилизовать женственную русскую

землю, он навязывался ей в мужья. Сложными и многообразными путями действовал германский дух: и через Маркса, и через Канта, и через Штейнера, и через многих других учителей, соблазнявших нас и ослаблявших русскую волю. Исключительная власть германизма в России, в нашей государственной и духовной жизни, объясняется тем, что в душе русского народа не совершилось внутреннего брака, что мужественное и женственное начало остались разделенными. На этой почве выработалась метафизическая истерия в русском характере, склонность к одержимости. В этом нужно искать разгадку многих наших несчастий. Когда русские люди делали культурными западными людьми, когда они проникались дисциплинирующим духом, они не из себя рождали культуру, не из органических своих основ, не собственным духом овладевали своей душевной и телесной стихией, а извне брали культуру, извне прививали себе оформляющий дух. Это путь, противоположный тому, по которому Фихте вел германский народ к национальному самосознанию. Зрелое национальное самосознание народа и есть таинственное соединение в нём мужественного и женственного начала, мужественного духа и женственной душевной стихии. В каждом народе это происходит совершенно оригинально и своеобразно. В России этого до сих пор не произошло. И вы, русские интеллигенты самых разнообразных направлений, не помогали, а мешали этому зрелому, мужественному национальному самосознанию, не исполняли своего национального долга. Зрелое национальное самосознание будет у нас преодолением славянофильства и западничества, которые были связаны с нашим несовершеннолетием. Русский может походить на немца в двух противоположных смыслах: он может относиться к России, как немец относится к России, и может относиться к России, как немец относится к Германии. Мы должны походить на немцев во втором смысле.

Препятствием на пути нашего зрелого национального самосознания всегда стояло русское народничество, которое в разных формах владело умами и сердцами русских людей. Было у нас народничество консервативное и народничество революционное, народничество религиозное и народничество материалистическое. Но всегда оно было капитуляцией нашего культурного слоя, призванного нести свет во тьму, перед необъятной тьмой мужицкого царства, всегда оно было выражением русской отсталости, русской экстенсивности, всегда означало недостаток духовного мужества. Народническое сознание вело к идолопоклонству перед народом, как эмпирическим фактом, как количественной массой, всегда подчиняло оно духовную жизнь материальной социальной среде, всегда подавляло творческое личное начало, погружало личность в коллектив. Это нужно сказать и про славянофильство, которое представляет своеобразный тип религиозного народничества. Но славянофильство стоит бесконечно выше того революционного и материалистического народничества, которое владело русской интеллигенцией почти целое столетие и привело к катастрофе русской революции. В славянофильстве была односторонность, были иллюзии, но была и своя правда. Левое же народничество было сплошной изменой религиозным, национальным и культурным ценностям. Бог был подменен народом, ценности интересами, духовные реальности преходящими благами социальных классов. Вот это безбожное идолопоклонническое народничество, изменившее всем непреходящим святыням и ценностям, и подорвало Россию. Оно на протяжении столетия подтачивало духовные основы России, растлеvalo русскую церковь, русское государство, русскую культуру, мешало и материальному развитию России. Это вы, народники разных оттенков, гасители духа во имя призрачного блага народа, убивали Россию и губили её. Для вас не существует России как высшей реальности, как цельного замысла Божьего, для вас существует лишь народ, не народ – нация, не живое существо, не цельный организм, существующий тысячелетие, объединяющий все поколения, а народ – крестьяне и рабочие с их преходящими материальными интересами. Во имя блага народа вы убивали Россию, убивали великую нацию с великой судьбой. Во имя малого и маленьких вы восстали против великого и великих. Вы – истребители всякого величия. Вы

не могли вынести величия России. Под разными обличиями вы возрождались всё вновь и вновь. Вы, русские народники, плоть от плоти и кровь от крови русской тьмы и русской культурной отсталости, надевали на себя разные западные одеяния, и самые страшные, самые разрушительные деяния свои вы совершали в немецких одеждах социал-демократии. Но и в качестве социал-демократов вы остались народниками, вы были выразителями экстенсивного духа раздела, а не интенсивного духа творчества. Ведь это – исконная идея русской интеллигенции, что социальный вопрос нужно решать разделом, а не увеличением производительности, не творческим трудом. Вы, русские социал-демократы, забывшие некоторые стороны учения своего кумира Маркса, внесшие в свой социал-демократизм русскую пугачевщину и русский анархизм, произвели всероссийский погром и раздел и ввергли Россию в нищету, обрекли её на долгое бедственное существование. Так осуществили вы давние мечты народников о разделе, о всеобщем уравнивании, так низвергли вы русскую культуру в темную бездну. Русское государство и русская культура были отданы на растерзание темным массам, в которых разожгли вы самые хищные инстинкты. Так потонуло русское государство и русская культура в необъятной тьме народной, на славу и возвеличение наших врагов. Вот что совершили вы, вначале выступившие с невинными лозунгами народолюбцев, а потом превратившиеся в разъяренных зверей. Злодеяний ваших не простят вам грядущие поколения русского народа.

Вы, русские народники всех оттенков, всегда были врагами культуры, это вы всегда противопоставляли благо народа культуре. Для вас ничто никогда не обладало самоценностью, всё превращалось в утилитарное орудие. Ни религия, ни церковь, ни государство, ни национальность, ни философия, ни наука и искусство, ни нравственность и право – ничто не обладало для вас самоценностью, ничто не было подлинно, духовно реальным. Всё подчинялось благу народа, интересам людей, удовлетворению людей. И всё низвергли вы в темную бездну массовых интересов и инстинктов. Вы всегда признавали культуру буржуазной, ибо создана она господствующими классами. Но сами вы – самые низменные, самые тупые, самые убогие мещане, буржуа духа. Вы хотите мир превратить в промышленную ассоциацию, вы хотите всё общество человеческое сделать обществом потребительским. Ваш жизненный идеал – животный идеал. Но к горю нашему нужно признать, что не только народники-революционеры и материалисты, но и народники славянофильского типа, стоявшие на почве религиозной, обнаруживали враждебное отношение к культуре и её ценностям, искали правды не в культурном слое, не в творческих личностях, а в простом народе, в коллективе. Исконный русский коллективизм всегда был враждебен культуре, враждебен личному началу, всегда тянул нас вниз, всегда мешал нам выйти к свету, в мировую ширь. Этот коллективизм парализовал у нас чувство личной ответственности и делал невозможной личную инициативу. Коллективизм этот был не новый, а старой нашей жизни, остатком первобытного натурализма. Но многие у нас смешивали его с духовной соборностью, с высоким типом братства людей. На этой почве идеализировали русскую общину и т. п. явления русской жизни. С русским коллективизмом связано и отрицательное отношение к праву, смешение права с моралью. Но отрицание права, которое у русских шло справа и слева, есть отрицание личности, порабощение её коллективу. Право охраняет личность от посягательства на нее злой воли. Право делает свободу человеческой личности независимой от добродетелей и пороков других людей, от их нравственного уровня, от их произвола. Право делает возможной свободу личности даже при существовании зла, при дурной воле людей. Русские смешивают право с моралью и ставят судьбу личности в зависимость от нравственного сознания людей, от их добродетелей. Но есть свобода, которая должна быть мне гарантирована и при порочности людей, и при склонности их к насилиям. Этого никогда не понимало народническое сознание, и правое, и левое. Такое отрицание права есть знак ослабления личного

самосознания, есть недостаток личного достоинства, есть погруженность в безликий коллектив. Это свойство оказалось роковым для России.

Русская революция есть тяжелая расплата за грехи и болезни прошлого, за накопившуюся ложь, за неисполнение своего долга русской властью и господствующими классами, за столетний путь русской интеллигенции, вдохновлявшейся отрицательными идеалами и обманчивыми лживыми призраками. Русская революция есть гибель многих, слишком многих русских иллюзий, иллюзий народнических, социалистических, анархических, толстовских, славянофильских, теократических, империалистических и др. Традиционное мирозерцание русской интеллигенции потерпело страшный крах. Дорогой ценой покупается ныне обучение русской интеллигенции, дорогой ценой стяжается для нее познание. Россия должна была быть доведена до края гибели, чтобы обучились элементарным истинам. Близоруко и несправедливо во всем винить большевиков. Вы, более умеренные русские социалисты и русские радикалы всех оттенков, русские просветители, все вы, происходящие от Белинского, от русских критиков, от русских народников, все вы должны и на себя возложить вину. Большевики лишь сделали последний вывод из вашего долгого пути, показали наглядно, к чему ведут все ваши идеи. Многие из вас испугались, когда давно желанная вами социалистическая революция, основанная на вами же заложенном материалистическом базисе, начала истреблять вас и выбросила вас за борт жизни. Вы даже заговорили о пользе религии, которую вы всегда отрицали, и начали обращаться к церкви, которую всегда ненавидели и травили. Но слишком поздно обратились вы к помощи религии, и слишком утилитарно ваше отношение к религии. Благодать Божья не нисходит на тех, которые прибегают к ней по соображениям утилитарным, из потребности к самоохранению. Нужно было раньше думать о Боге и о духовных основах жизни. Ещё совсем недавно вы думали, что народ может существовать без духовных основ, без веры в высший божественный смысл жизни, без святынь, что для жизни народа достаточно материальных основ и рационалистического просвещения. Теперь вы увидели, что происходит с народом, когда падают святыни в его душе, когда отпадает он от веры во всё, что стоит выше его интересов. Но вы слишком долго хотели, чтобы в народе пала всякая святыня и всякая вера, и всё для этого делали. Поймите же страшную вину свою, отнеситесь поглубже к переживаемой трагедии. Перестаньте думать, что всё было бы прекрасно, если бы применена была более разумная и умеренная тактика. В такие минуты нельзя уже оставаться на поверхности. Необходимо сознание, что произошел страшный крах, не внешний только, но и внутренний крах, что изобличена ложь того духа, которому вы служили почти столетие. Позорно пала ваша земная вера, низвергнуты ваши земные идола. Произошло страшное падение исконного русского атеизма и материализма, русского социализма и анархизма, всего, чем вы дышали, питались и жили. Час слишком легкого торжества ваших исконных идей и был часом их страшного падения, часом жестокого изобличения их лжи и призрачности. Никогда, никогда уже вы не возродитесь духовно, никогда идеи ваши не будут иметь обаяния. Новые поколения русских людей вырастут и воспитаются в ненависти и отвращении к вашим идеям и будут проклинять те злодеяния, к которым эти идеи привели. И, вероятно, слишком далеко они зайдут в этом. Слишком многое было ложно в вашем сознании и в вашей настроенности. Ложно было ваше отношение к государству, ваше отношение к национальности, ваше отношение к жизни хозяйственной и к развитию промышленности. Ложна была ваша интеллигентская мораль, ваш морализм, соединенный с нигилизмом, ваш утилитаризм. Ложно было ваше отношение к красоте и ваше гонение на красоту. Ложна была ваша нелюбовь к познанию и ваше равнодушие к истине, которую вы всегда подвергали утилитарным расценкам. И самой первой, самой страшной ложью вашей было ваше безверие и безбожие, ваша измена духовным основам жизни, ваша оторванность от религиозных истоков жизни. Ваша исступ-

ленная жажда равенства была истреблением бытия и всех его богатств и ценностей, была жаждой ограбления божественного мира и уничтожения всякого величия в мире. Дух небытия двигает вами, это он внушил вам ваши эгалитарные идеи и страсти. Закон энтропии, который ведет к смерти вселенной путем равномерного распространения тепла, действует через вас в жизни социальной. Но вы всегда не любили свободу и вам всегда было чуждо братство. В духе революционном никогда не бывает ни свободы, ни братства. В вашем царстве, в пределах вашего сознания и вашего духовного кругозора не может быть уже никакого движения. Царство большевизма было пределом движения на ваших путях, в вашем духе. Это – конец, предел, темная бездна небытия. Вы никогда не любили творчества, оно всегда казалось вам недозволенной роскошью. Творчество – аристократично. Вы давно догадались об этом. И когда начнется эра творчества, когда настанет час подлинного возрождения, вы будете устранены, как ненужности, как духовные трупы. Вы давно уже подтачивали иерархическое начало жизни. И в русской революции произошло ещё небывалое в истории разрушение иерархического строя, ниспровержение всякой иерархии качеств. Но разрушение всякого иерархизма есть также разрушение личности, ибо личность связана с иерархизмом. Лишь в иерархии возможны разнокачественные индивидуальности. Вы же привели всё к равенству небытия.

Духовные последствия русской революции будут огромны. Эти последствия будут не только отрицательные, но и положительные. Мы переходим в другое измерение бытия. Все традиционные оценки подвержены сомнению. Приходится переоценить все социальные ценности. Бисмарк выразил когда-то желание, чтобы нашлась такая страна, которая сделала бы опыт применения социализма, в надежде, что после этого не явится уже желания вторично производить такой опыт. Такая страна нашлась, и она произвела этот опыт в колоссальных размерах. Правда, опыт осуществления социализма в России очень напоминает грабеж и разбой. Но социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя. Это окончательно вскрыла русская революция. Но это видно уже было в античном мире. Либеральная и радикальная русская интеллигенция всегда склонна была думать, что социализм очень возвышенная вещь, хотя может быть и неосуществимая в данное время. Вы, русские радикалы, всегда в глубине души думали, что нет ничего выше, как революционный социализм, что революционер-социалист представляет самый высший человеческий тип, но что вы сами по слабости своей и связанности своей житейской средой не можете стоять на этой высоте и идете на компромисс. Русский радикализм никогда не имел своей собственной идеи, он всегда жил чужими идеями, разбавленными водой. Вы, русские радикалы, многочисленные и разнообразные, – самый ненужный род людей, у вас нет ничего своего. Вам наступил конец. Ныне нужно уже иметь свою идею. Отныне нельзя уже будет восторгаться социализмом со стороны, как прекрасной далью. Отныне социализм стал проблематическим, стал сложной проблемой для сознания, и всё нужно переоценить в социализме. Не время теперь и для бесхарактерного, лишённого глубокой духовной основы либерализма. Ваше время прошло, всех вас, – и социалистов, и радикалов, и либералов, и консерваторов старого типа, колеблющихся и сидящих между двух стульев. Ныне наступает страшное, ответственное время. И лишь более огненные, более глубокие идеи могут победить тьму, которой мы объаты. Новые души должны придти, новый дух должен снизойти на несчастную, истрадавшуюся, погибающую родину нашу. Мало, слишком мало надежды, что вы, люди старого духа, инертной мысли, радикально переродитесь, сознаете вину свою, выйдете из заколдованного круга, откроете глаза свои для восприятия нового света и уши свои для звуков иного мира, непохожего на ваш затхлый, подпольный мир, мир уродливой кружковщины. Многие из вас безнадежны, вы – обреченные, вы так и умрете слепыми и глухими. Новые люди должны придти в Россию, чтобы творить новую жизнь. Вся ткань вашего существа негодна

для творчества жизни. Вы – конец старого, вы – не начало нового. И также никогда не могут быть названы новыми людьми разные реставраторы и внешние контрреволюционеры.

Огромный жизненный материал дает революция для социально-философской мысли, внутренние толчки и импульсы сообщает она. Вы были всегда ленивы, неподвижны в своем мышлении. Вы любили повторять заученные мысли и излагали их своим отвратительным жаргоном в своих легковесных брошюрах. Вы носили в карманах своих маленькие катехизисы и при всех случаях вычитывали из них трафаретные мысли. Отныне нельзя уже будет этого делать. Отныне нужно сжечь все ваши катехизисы и все ваши брошюры и предать проклятию все шаблоны вашей серой, безликой мысли. Почему мысль ваша никогда не была индивидуальной? Почему у писателей ваших никогда не было своего лица? Это – не случайно. В этом – осуждение ваше. Настало время крушения всех ваших утопий земного рая, серых, безличных, пустынных утопий, утопий предельного равенства и предельного счастья в небытии. Настало время здорового социального пессимизма, более благородного, более сложного и утонченного, чем оптимизм тупых социальных фанатиков. Ныне необходимо более суровое отношение к социальной жизни, более ответственное отношение. Социальная мечтательность есть разврат. Плоды этой развратной мечтательности уже известны. Они всегда были одинаковы. Стремление к отвлеченному социальному совершенству есть нечестивое, безбожное стремление. Опыты осуществления земного рая всегда вели к аду на земле, к злобе, к ненависти, взаимному истреблению, к крови, к насилию, к оргии. Так было в эпоху реформации, когда анабаптисты создавали Новый Иерусалим. Человек не имеет права быть наивным и мечтательным в жизни социальной, не смеет распускать своей сентиментальности. Он должен быть ответственным мужем, должен видеть зло и грех, должен научиться различать духов. Слишком дорого стоила ваша мечтательность, ваша сентиментальность, ваша наивность, ваше неведение зла. Будьте суровы, будьте ответственны, познайте зло в огненном испытании. Будьте мужами. Русский народ должен исполнить закон, закон культуры, закон государственности, закон относительного существования на земле. Таков удел грешного человечества. Путь к высшей творческой жизни лежит через закон и искупление. Русский народ – великий, но грешный народ, полный слабости и соблазнов. И ожидание социального чуда есть одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов. Этот соблазн был отвергнут Христом в пустыне. Русскому народу предстоит пройти через суровую дисциплину труда. Революция научает нас, что есть трагическое несоответствие и разлад между духовными вершинами русской жизни и низинной тьмой её. На вершинах давно уже происходит кризис культуры, в то время как в низинах нет ещё никакой культуры. Вы революционеры – вы люди середины. Вы не знаете ещё кризиса культуры, ибо не знаете ещё культуры. Вы – люди полупросвещения. И не вам говорить о том, что народ русский выше культуры. Вы сами ниже её. Необходимо народу русскому пройти ступени, поднимающие тьму к свету. Сложна проблема русского мессианизма, и в понимании её можно сбиться на пути самой страшной лжи. Слишком часто русские люди сбивались на этот путь лжи. И самой большой ложью является революционный мессианизм. Большевизм показал, что такое революционный мессианизм, и в этом заслуга его. И ещё имеет он заслугу изобличения лжи гуманизма, в которой целиком пребывают социалисты-революционеры. В большевизме гуманизм переходит в свою противоположность, в истребление человека. Всегда остается противоположность между большинством и меньшинством, между духовными вершинами и материальными низинами жизни. И вечной остается правда аристократии духа, древняя правда человечества, которой не могут низвергнуть никакие революции. Человеческий дух должен мужественно противиться напору эмпирии. Он не может получить от эмпирии с её стихийным хаосом и тьмой свои высшие ценности, он находит эти ценности в своей глубине. Революция ещё раз этому научает. Революция есть царство эмпирии, опрокидывающей свободу человеческого духа. Но после революций про-

исходит переработка темных масс. В этом положительное значение революции. В письмах моих о социальной философии хочу я противопоставить свободу человеческого духа хаотической эмпирии и хаотической тьме. Моя социальная философия имеет религиозный исток, лежащий в глубинном пласте жизни. Вечная истина христианства ещё раз раскрывается в испытаниях революции, но раскрытие её в социальной философии есть вечная творческая задача. Писать я хочу не об отвлеченной, а о конкретной социальной философии.

Письмо второе

О религиозно-онтологических основах общественности

Господствующее сознание XIX века, которое мнило себя «передовым» и «прогрессивным», заменило теологию социологией. Социология стала евангелием «передовых» людей века. Бога начали искать в социальности, в общественности. Ваше социологическое мироощущение и мирознание затмило для вас тайны Божьего мира, оторвало вас от жизни космической. Вы, «передовые» люди века, выпали из божественного миропорядка и утвердились на ограниченной поверхности земли. Всё сделалось у вас социальным, производным от социальных категорий, всё подчинилось социальности. Поэтому всё у вас стало поверхностным, всё лишилось глубоких основ, лишилась глубоких основ и сама социальность. Социальность ваша, общественность ваша есть абстракция из абстракций. Социологическое мирозерцание О. Конта и К. Маркса – абстрактное мирозерцание. Социологизм ваш оторвал вас не только от жизни космической, но и от жизни исторической. Отвлеченный социологизм одинаково противоположен и конкретному космизму, и конкретному историзму. Поистине, это отвлеченное социологическое мироощущение порождено глубоким уединением человека, превращением его в атом. Уединенные атомы хотят механически соединиться, чтобы не чувствовать так своей беспомощности и уединенности. Все вы, крайние общественники, проповедующие религию социальности, все вы распавшиеся атомы. Мироощущение одного из первых ваших апостолов и пророков – К. Маркса – атомистическое мироощущение, отвергающее все органические реальности, всё разлагающее на интересы. Социализм ваш есть самый крайний номинализм, есть самое крайнее отрицание реальных, онтологических общностей – церковных, национальных, культурных и др., реальностей космических и божественных. Скажите, положа руку на сердце, забыв на мгновение о социальной борьбе и социальных изобличениях, скажите перед собой, перед своей глубиной, перед высшей правдой, что для вас подлинно есть? Всё давно уже превратилось у вас в призрак и мираж, в быстротечную и обманчивую игру человеческих страстей и интересов. Обманчивый социальный покров бытия подменил у вас само бытие. И нет у вас, давно уже нет онтологических, бытийственных основ жизни. Ваша социальность не довела вас до добра, она опустошила ваши души. Люди прежних, более органических и реальных эпох знали более глубокие формы общения и общности. Вы – общественники по горькой нужде, из душевной пустоты. Шумлива и криклива ваша общественность, но нет в ней глубокого реализма, нет в ней связи с тайнами жизни, с тайнами человека, мира и Бога. Давно, давно уже пора вам ослабить ваше движение по поверхности и начать движение вглубь, давно пора одуматься, заглянуть в глубину души, в которой поистине должна открыться вся бесконечность мира и бесконечность Бога. Необходимо вам преодолеть замкнутость вашего социального самочувствия, необходимо ощутить общественность неотрывной частью и ступенью божественного миропорядка. Тысячи нитей связывают общественность человеческую, затерянную на небольшой точке необъятного мирового целого, с жизнью великого космоса, Божьего мира. Вечно совершается таинственный эндосмос и экзосмос между жизнью общественной и жизнью космической. Вы же захотели устроиться общественно на земле, забыв о космосе, отвернувшись от божественного миропорядка. Вы строили утопию за утопией окончательного общественного устройства и общественного благополучия, не желая знать приливов космических энергий, опрокидывающих все ваши построения, все ваши утопии, все ваши общественные земные раи. Вы захотели спрятаться в своей земной и рационалистической общественности от мира и от Бога, от таинственных сил, темных и светлых,

от страшной бесконечности и от притягивающей вечности. В общественности захотели вы укрыться от ужаса смерти и тления и создавали кратковременные призраки жизни. Вы обманываете себя тем, что вы находитесь в подлинной жизни. Но вы двигаетесь в царстве смерти. Каждый миг грядущего пожирает у вас прошедшее и будет пожран мигом последующим. И ни в одной точке вашего внешнего и шумного движения не утверждается подлинная жизнь. Ибо всякая подлинная жизнь есть приобщение к вечности, победа над смертью и тлением. Древние египтяне, воздвигавшие свои пирамиды во имя вечности, лучше вас, «передовых» людей нашего века, знали тайну жизни. Эти древние строители пирамид лучше всего опровергают выдуманные вами «экономические материализмы», все ваши удушливые и порабошающие социологические абстракции. Поистине, менее утопично было строить эти безумные пирамиды для жизни вечной, чем строить все ваши совершенные общества для жизни временной и тленной. Ваша социальная мечтательность и ваш социальный утопизм – порождение оторванности вашего социологического сознания от сознания космического. Социальный утопизм ваш есть крайний рационализм, он кончается рассудочным помешательством, самой скверной и уродливой формой из всех помешательств. Безумна ваша мечта создать совершенную и блаженную общественность в несовершенном и страдальческом мировом целом. Безумно и нечестиво ваше желание создать совершенную и блаженную общественность в мире, лежащем во зле, в мире, в котором хаос не претворен ещё в космическое состояние. Поистине совершенным и блаженным может быть лишь весь космос, лишь при космическом состоянии мирового целого возможно и совершенное общество. А это и значит, что совершенство и блаженство возможны лишь в Царстве Божьем. Общественность человеческая несет на себе все грехи и несовершенства мирового целого, на ней лежит печать мирового рабства и мировой необходимости. Нужно искупить и освободить весь мир, всю тварь, чтобы искуплена и освобождена была человеческая общественность. Вы же, безумные в своей рассудочности, в своей рациональной ограниченности, вы замыкаетесь в своем субъективном произволе, в своем общественном психологизме, так глубоко противоположном общественному онтологизму, и строите свои жалкие утопии, свои призрачные раи, пока железная поступь мировой необходимости не опрокидывает вас и не принуждает вас глубже задуматься над тайнами жизни. Если вы свободно не обратитесь к шире космической жизни, то будете принудительно обращены к ней суровой необходимостью. Ибо поистине, необходимость – великое благо для несвободных духом.

Ваше социологическое мироощущение всегда было оторвано от подлинной исторической действительности. И потому оно было рационалистично и утопично. Вы изолировали вашу общественность не только от мирового космоса, но и от космоса исторического. Вы отвлеченно, в теориях ваших подчинили человека природной и социальной среде, вы отвергли его духовную свободу и превратили его в пассивный рефлекс природного и социального круговорота. Но вы же признали, что человек от себя может произвольно и в разрыве с прошлым начать историю, согласно рассудочным своим построениям. Вы любили говорить о «скачке из царства необходимости в царство свободы», который совершит этот раб социальной среды, рефлекс природной необходимости. И потому именно, что вы не признали человека свободным духом, потому и оторвали вы его от конкретной, исторической действительности, за которой стоит живой дух народов. Всё сделалось у вас отвлеченным – отвлеченна, рассудочна ваша необходимость, и отвлеченна, рассудочна ваша свобода, живой человек и живая история исчезли в отвлеченностях. Поистине, историческая действительность – живая, конкретная реальность, реальность своеобразная, отличная от других ступеней бытия, живущая по своему закону, знающая своё добро и зло, несоизмеримая с рассудочными критериями добра и зла. Вы отрицали эту историческую действительность, не видели в ней внутренней органической жизни и подменили её социологическими абстракци-

ями. Применение абстрактных социологических категорий к конкретной исторической действительности умерщвляло её, вынимало из нее душу и делало невозможным живое, интуитивное созерцание исторического космоса. Вашими социологическими отвлеченностями вы разлагали историческую действительность, как иерархическую ступень космического целого, и сводили её на простейшие элементы, открываемые другими науками, предшествующими вашей социологии. Вы – упростили и смесители. Поэтому реальность ускользает от вас, не дается вам, поэтому в ваших руках остаются лишь отвлеченные клочья реальности, лишь осколки бытия. Вы давно уже совершаете погром бытия, как конкретной целостности, как иерархического лада. Этот рассудочный и иступленный погром совершаете вы и в вашей науке, и в вашей политике. Вы любите морализировать над исторической действительностью и историческим прошлым. Вы любите переносить свои ограниченные индивидуальные моральные оценки на сверхличную историческую жизнь. И вы злобно относитесь к прошлой истории своего народа и всего человечества, вы не видите в прошлом ничего, кроме зла и насилия. Вы не способны понять, что в самих насилиях, совершавшихся в истории, была своя правда, было преломление Божьего Промысла во тьме. Толстой был человеком вашего духа, когда он отвергал всю историю, как сплошное зло, когда он совершал неслыханный погром истории во имя своего индивидуалистического морализма. Но он был радикальнее и последовательнее вас. Свой последовательный индивидуалистический морализм он применил и ко всей общественности. Вы же отвергаете и поносите историю и во имя индивидуалистического морализма, и во имя общественности, которая строится вами на новых, неслыханных насилиях, на новом, небывалом порабощении человека. Вы должны признать самобытную природу исторической действительности, увидеть в ней свой закон добра, рационально несоизмеримый с законом добра действительности индивидуальной. В исторической действительности нельзя видеть лишь свершение судеб индивидуального человека – атома и масс, механически соединяющих эти индивидуальные атомы, произвольных человеческих коллективов; в ней нужно видеть свершение судеб наций, человечества, мира, как реальностей, как конкретных общностей. Общества – реальные организмы. Для вас же существуют только атомы и массы. Вы хотели бы провести всю историю через всеобщее избирательное право, и вы заранее знаете, что голосующие массы не признают истории своей. По большинству голосов история не только не могла бы совершаться, но она никогда бы и не началась. Мир остался бы в первоначальной тьме и нераскрытости, в равенстве небытия. Атомы и массы не пошли бы на те жертвы, которыми покупается история. Нельзя применить к истории всеобщего избирательного права и большинства голосов, нельзя морализировать над историей и требовать от нее уравниения атомов.

Вы, рационалисты-утописты, одержимые рассудочным безумием, не научились уроками истории, не постигли смысла ниспосланных вам испытаний. У вас была возможность многое узнать и понять после опыта французской революции. Духовная реакция против революции очень обострила познание творческих и передовых людей духа. Вы признали этих людей «реакционерами». Но они во многих отношениях оплодотворили ту науку XIX века, которую и вы принуждены признать своей. Духовная реакция против революции была также реакцией против всего рационализма XVIII века. В этой творческой реакции обречено было чувство истории и раскрылись иррациональные основы общественности. После опыта революции, одержимой рационалистическим безумием, ясно стало, что общество никогда не было и не может быть основано на чисто рациональных началах, вполне понятных малому человеческому разуму и по произволу этого разума устанавливаемых. Основы человеческого общества заложены в божественном миропорядке. Есть таинственная основа человеческого общества, столь же таинственная, как и основа всей органической природы, от которой нельзя оторвать человеческого общественного мира. Более углубленному, поре-

волюционному сознанию открывалось таинственное свершение истории, связь времен, и оно ограничило человеческий произвол в построении общества, произвол человеческого рассудка. Ж. де Мэстр стоял на почве религиозной и религиозно боролся с духом революции, с духом рационалистического просвещения XVIII века. Но в этой духовной борьбе сознанию его открылась закономерность общественной жизни, объективная основа общественности. Была опознана органическая, а не произвольно-искусственная природа человеческого общества и государства. Так «реакционное» мышление Ж. де Мэстра и близких ему по духу в дальнейших своих последствиях породило социологический натурализм. Даже дарвинизм в социологии может быть связан с этой реакцией против рационализма XVIII века. А О. Конт прямо признавал своё родство с Ж. де Мэстром. Эспинас верно указывает, что именно к де Мэстру и теологической школе начала XIX века восходит открытие той истины, что общество есть создание природы, а не человеческого произвола, и представителей этой школы готов он признать основателями научной социологии. Тогда, хотя в частичной и ограниченной форме, но всё же была обнаружена связь человеческой общественности с совокупностью природы. Для религиозного сознания эта объективная основа общественности, эта природная в ней закономерность есть выражение греховности человеческого мира. Мир, лежащий во зле, должен быть подчинен закономерности. Иначе злой хаос опрокинет всякий миропорядок, уничтожит всякий космический лад. В этом откровении закона для природного и общественного порядка есть своя моральная правда, изобличающая первородный грех. Нельзя изнасиловать природу. Нужно искупить её грехи. Так объективная закономерность общественной жизни открывается в двух аспектах – в аспекте религиозном и аспекте натуралистическом.

Вы не только признали науку, вы обоготворили её, вы превратили её в рационалистическую утопию. Но вы никогда не были смиренными перед объективным знанием, никогда не ограничивали страстей и вожделений своих непреложными велениями знания. Вы были крайними позитивистами и материалистами, но пафос знания вам чужд. Никогда не было у вас жажды знания. Знание ваше было субъективным, а не объективным. Оно было орудием разрушения. Не знание, не наука вдохновляли вас, а отрицательное «просвещение», которое есть полупросвещение и нигилизм. Из объективной закономерности природы и общества делали вы вывод, что всё позволено и что по своему произволу вы можете перестраивать жизнь. И вас давно уже пора привести в состояние покорности суровой науке, бескорыстному знанию. Ваша наука всегда была корыстна, и потому не была истинной наукой. Вы выдумали, что существует наука «буржуазная» и наука «пролетарская», и этим убили для себя возможность всякого знания, этим истребили самую идею науки. Крупица объективной науки в марксизме была окончательно поглощена субъективно-классовым его пафосом, отдана на растерзание человеческих интересов и страстей. Смирение перед наукой, познание объективных основ общественности уменьшило бы вашу злобность и разъяренность, привело бы к катарсису ваш больной дух. Вы перестали бы повсюду видеть злую волю правительств и господствующих классов, глубже вникли бы в причины зол и бедствий человеческой жизни. Но для этого вы должны смириться не только перед наукой, но и перед религией, должны обратиться к высшему источнику света. Общество и государство могут быть основаны лишь на религиозных, духовных началах. Общество и государство атомизируются и распадаются, когда подорваны эти источники человеческого общения и властвования. Вы подымаетесь до понимания этой элементарной истины лишь тогда, когда разражается катастрофа и когда вам самим грозит гибель.

Редко, слишком редко люди вашего типа, вашего чувства жизни и вашего сознания задумываются над первоисточниками жизни, над теми первоисточниками мировой жизни, которые определяют и жизнь общественную. Вы не ищете смысла жизни. Вы ищете лишь

благ жизни. Такая направленность вашего духа закрывает для вас познание тайн жизни космической и жизни общественной. В поле вашего зрения попадает лишь ограниченный отрывок природы и общественности, поддающийся рационализации в вашей бедной мысли. Говорю – в вашей мысли, потому что в действии вашем вечно бушуют иррациональные страсти и вечно приливает тьма из непонятного для вас бездонного источника. Поистине есть темный, бездонный и бесконечный источник в нашей жизни и жизни мировой. И ваш рассудочный свет бессилен осветить окружающую нас темную бесконечность. Две бесконечности обнимают нас – верхняя и нижняя, светлая и темная, хорошая и плохая бесконечность. Ни одна из этих бесконечностей не может быть постигнута вашим малым разумом. Для вашего ограниченного сознания не дана ни божественная бесконечность, ни бесконечность темная и хаотическая. Ваше сознание улавливает лишь ограниченную промежуточную сферу, поддающуюся рационализации. На этих путях невозможно никакое углубленное познание, невозможно и углубленное познание общественной. Мир человеческой общественной есть целый малый мир, в котором отражены те же начала, действуют те же энергии, что и в большом мире. *В мире общественном, как и в великом мире, как и во всей вселенной, борются космос и хаос.* И познание общественной должно помочь началу космическому победить начало хаотическое. В истинном познании есть онтологический свет, побеждающий хаотическую тьму, есть начало космологическое. Но ваш ограниченный рационализм не в силах не только преодолеть хаотическую тьму, но не в силах и увидеть её, опознать её. Поэтому вы находитесь в её власти.

Старым германским мистикам открывалась истина о темном источнике бытия, о бездне, лежащей в его основе. Величайший из них, Я. Бёме, учил об Ungrund'е, безосновности, бездне, которая глубже Бога. И Мейстер Экхарт учил о Божестве, божественности, которая глубже Бога. Божественный свет загорается в бездонной тьме. Эта темная бездна не может быть наименована даже бытием, она лежит под всяким бытием, к ней неприменимы никакие категории, никакие определения. Этот изначально, в вечности загорающийся свет и есть теогонический процесс богорождения. Но процесс теогонический неверно было бы понимать по аналогии с эволюцией, совершающейся в этом мире; он не подчиняет вечность времени с его законом тления, с его пожиранием последующим моментом момента предшествующего. Он есть откровение света в глубине самой вечности. И малый разум наш встречается тут с неразрешимыми антиномиями, с непреодолимыми противоречиями. То, что происходит в вечности, отражается и во времени, во временном мировом процессе. В процессе космогоническом и антропогоническом загорается свет и побеждает хаотическую тьму. Темные волны приливают из бездны, и бушующий хаос должен побеждаться в мире и в человеке, чтобы образ человека и образ космоса не захлестнулись и не погибли, чтобы продолжалось дело Божьей победы над тьмой, Божьего творения космического бытия. Рождение света во тьме, переход от хаоса к космосу есть возникновение неравенства бытия в равенстве небытия. И в человеческом обществе есть не только таинственное, но и темное начало, в массе человеческой бушует хаос, и космос общественный с великим усилием создается и сохраняется. Всё новые и новые приливы тьмы, требующие новой силы преображающего света, в истории именуются нашествием варваров, внешних и внутренних. Эти напоры варварства знал ещё древний Египет и древний Рим. Варварское, скифское начало говорит о бездне, скрытой под самой успокоенной и консервативной общественностью. Напоры варварства были полезны и поучительны для эпох слишком довольных, успокоенных, закованных и заковывающих. Человек всегда живет над бездной, и никакой консерватизм не должен закрывать этой истины. В массе, в толпе всегда есть темная бездна. И революции всегда бывали таким же приливом хаотической тьмы, как и нашествие варваров. И варвары, и революции нужны дряхлеющему миру. Нельзя отрицать значение этих исторических приливов. Но значение их не в том, в чем полагаете вы, идеологи варварства и революции.

* * *

Космическая жизнь – иерархична. Иерархична и жизнь общественная, поскольку есть в ней космический лад и не разорвана органическая связь с космосом. Вот тайна, которая непонятна людям вашего духа. Всякое разрушение космической иерархии атомизирует бытие, разрушает реальность общего и реальность индивидуального (государства, нации и др. реальные общности в такой же мере, как и личности) и сцепляет, сковывает атомы в механические коллективы. С древних времен происходила борьба в человеческом обществе начал космических, т. е. иерархических, с началами хаотическими, т. е. атомистическими и механическими. Иерархическое начало, как и всё в этом мире, может вырождаться, оно может не исполнять своей светоносной миссии и порождать самые ужасные злоупотребления. Иерархическое начало может сделаться косным и инертным и ставить препятствие всякому творческому движению. Так, с древних времен иерархическая власть царя и жреца не только водила народы и вела их к свету, но и задерживала творческое движение. Слишком часто иерархия царства и священства становилась во враждебное отношение к свободному пророчеству. И всякий раз, когда слишком много грехов накопилось за началами иерархическими и не исполнялся долг излучения света его носителями, снизу подымались темные хаотические волны и грозили смести общественный космос, уничтожить всякий космический лад в общественной жизни. Иерархия царства и священства должна давать простор и свободу пророческому духу, иначе вырождается она в мертвящее законничество и получает заслуженную кару. Но необходимо отделить самый принцип, самую идею от фактического греховного состояния. Излучение света в этом мире должно происходить по ступеням. Есть вечное различие между эзотерическим и экзотерическим; оно охраняет возможность высшей творческой духовной жизни для избранной части человечества, для подлинной его аристократии. Не может быть мгновенно допущена к высшему свету вся необъятная хаотическая тьма человеческой массы. Человеческая масса выводится из царства тьмы, из плена у хаоса по ступеням, в процессе воспитания. Иерархические преграды для разлива хаотической тьмы, для мгновенного торжества количественной массы спасают источники света, охраняют светильники, защищают светоносный дух от растерзания его душевным и материальным хаосом. Повсюду в древнем мире дух, пробуждающийся к высшему сознанию, вел борьбу с этими волнами душевного и материального хаоса в жизни народной. Все великие религии знали различие между эзотерическим и экзотерическим и создали иерархический строй, обращенный не к сокровенному миру, а к миру внешнему. Этим путем охранялось качество от растерзания его количеством и само количество вело к просветлению. В религиях древнего Востока была таинственная, сокровенная сторона, оказавшая определяющее влияние и на высшие достижения греческой культуры, в ней были подлинные откровения, упреждающие христианство. Но народная религия Египта не знала этих высших откровений, – она погружена ещё была в языческую тьму. То же было и в Греции. Волны стихийных и хаотических откровений духов и демонов непросветленной природы со всех сторон обступали Грецию и грозили затопить пробуждающийся дух. Язычество не могло освободить народы древности от страшной власти демонолатрии, от терзавших его демонов хаотической природы. Но всякий иерархический строй был попыткой оградить духовную жизнь от власти этой хаотической природы, создать начала оформляющие и ставящие границы стихийному разливу. Высших достижений духовной жизни Греции нельзя искать в религии Диониса, в этой народной мистике, находящейся во власти темных хаотических стихий. Их нужно искать в орфизме, в элевзинских мистериях, у Пифагора, Гераклита и Платона. В разливе дионисических оргий народ терзался демонами и искал освобождения и избавления от горестного и ограниченного бытия в приобщении к стихийному кругово-

роту природы. Окончательное и безраздельное торжество дионисизма было бы гибелью Греции. И начало аполлоновой формы должно было ограничить эти дионисовы стихии, чтобы лик человеческий мог подняться из тьмы. Начало дионисово – демократично. Начало аполлоново – аристократично. Дионисизм дает стихийную, народную основу. Ничем не ограниченное и ничему не подчиненное торжество народной стихии, господство демократии превращается в дионисическую оргию, сметающую лик человека, погружающую дух человека в природный хаос. Дионисизм враждебен всякому иерархизму и всякому эзотеризму. Дионисизм торжествует в эпохи революций, в массовых народных движениях. Это торжество всегда подвергает опасности величайшие духовные ценности, оно отдает на растерзание величайшие духовные реальности. Начало аристократическое, начало иерархического лада, формы и предела, устанавливающее различия и дистанции, спасает высшую духовную жизнь, охраняет источники света и защищает личность человеческую от растерзания. Бытие личности предполагает различия и дистанции, формы и границы. Революционный дионисизм уничтожает все различия и дистанции, все формы и границы, и потому он глубоко враждебен личности, не признает и не опознает лика. Когда христианская церковь вела борьбу со стихийной демонолатрией, она охраняла лик человека, образ и подобие Божие, помогала ему стать на ноги. Во всех революциях стихийная демонолатрия в секуляризированной форме вновь овладевает человеком и терзает его. Личное начало связано с иерархическим началом, оно раскрывается в космосе и гибнет в хаосе. Личное начало – по существу аристократическое начало, оно предполагает различие и границу. Личность не терпит хаотического смешения, плебейского стирания всех границ и различий. Личное начало есть начало качественное, оно и есть неповторимое качество, не допускающее количественных смешений. Лишь тайна Христовой любви ведет к соединению, не разрушая личности, утверждая лик в каждом. Вы же все, находящиеся во власти дионисических стихий, терзаемые демонами хаотической природы, вы не знаете личности и не знаете свободы. Ваши революции несут с собой порабощение человека, погружение его в изначальную тьму. Дух ваш погружается в коллективное душевное тело и теряет свои высшие достижения. Духовное начало – аристократично, а не демократично. Демократична – душевно-телесная стихия. Возникновение аристократического начала в мире было борьбой света с тьмой, рождением личности, освобождением духа. Ваш революционный дионисизм всегда был и будет мгновенным торжеством количества, смещающего грани ликов и образов, восстанием из тьмы безликого и безобразного плебейства. Вот почему принцип органического развития по ступеням, через свет, изливающийся сверху вниз, в исторической жизни имеет нравственное и религиозное значение, – он охраняет личность, свободу и духовную жизнь.

* * *

Многие из вас любят говорить о свободе и освобождении. Но кто освобождается у вас, о чьей свободе говорите вы, существует ли у вас субъект свободы? Освобождение хаотической стихии не есть освобождение человека, хаотическая стихия не может быть субъектом освобождения, она – источник порабощения. Человек прежде всего находится в плену у хаотической стихии. Темная бездна тянет образ человека, лик человека вниз, мешает человеку подняться и стать во весь рост. Освобождение человека, человеческой личности и есть освобождение из плена у хаотической стихии, а не освобождение хаотической стихии в человеке и народе. Вот почему все глубокие люди понимали, что истинное освобождение предполагает момент аскезы, самодисциплины и самоограничения. Разнуздание стихийных страстей порабощает, делает рабом. Когда человек находится во власти собственного хаоса, он – раб, личность его распылена страстями, обессилена грехами. Вам, «освободителям» человека и народа, снимающим со стихии все оковы, давно уже пора глубже задуматься над проблемой

личности. Почему в революциях ваших нет личности, почему отдана она на растерзание стихийных бурь, почему образ человека тонет в стихиях, которым вы поете хвалу? Вы никогда не умели не только решить, но и поставить проблему отношения личности и общества. Вы потеряли реальности, для вас и личность не реальна, и общество не реально, для вас всё давно уже распылено. Ваше «революционное» мирозерцание есть крайний номинализм в социальной философии, крайний атомизм. Ваш коллективизм есть лишь обратная сторона этого номинализма и атомизма. Вы потеряли подлинные реальности и на их место хотите поставить новую, искусственную, призрачную реальность. Ваше мироощущение и мирозерцание отрицает всякий онтологический реализм. Предки ваши – софисты. Вы отвергли заложенные Платоном основы онтологической социальной философии. Слишком аристократичен для вас Платон, и вы увидели в нём источник мировой «реакции». Социализм Платона был аристократический социализм, он основан на признании иерархии онтологических реальностей. Платон признавал онтологическую реальность целого, реальность верховного блага и правды. Вы же исходите из атомизации всякого целого, начинаете с отвержения верховного блага и правды. Ваша правда – произвольная, субъективная, классовая правда, рожденная из интересов и страстей. Вы начинаете своё дело после того, как все реальности, все целости, все общности распылены и атомизированы. Поистине, вы хотите построить своё дело ни на чем и из ничего. И это прямо сказал самый радикальный и самый смелый из вас, Макс Штирнер, хотя он и не пользуется у вас достаточной популярностью. Но и Штирнер не был до конца последовательным и радикальным. Он признал «единственного», не имея на это никакого права, без всяких на это оснований. Ибо поистине его «единственный» лишен всякой реальности, «единственный» обобран, голым и нищим пущен по миру. «Единственный» лишен реальности «я», реальности личности. Ибо личность есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше её и глубже её. Личности нет, если нет ничего выше её. В номиналистическом индивидуализме личность разлагается и распадается. В нём так же атомизируется личность человеческая, как атомизируется нация, государство, церковь, космос, Бог. Если нет никаких реальных целостей, то нет и реальной целости личности, она разделяет судьбу всех реальностей в мире и падает вместе с ними. Если нет Бога, то нет и личности человеческой. Личность связана с универсализмом, а не с индивидуализмом.

Гибель личности человеческой должна окончательно завершиться в вашем человеческом коллективе, в котором погибнут все реальности, в вашем грядущем муравейнике, этом страшном Левиафане. Об этом не раз ещё я буду говорить. Ваш коллектив есть лжереальность, которая должна восстать на месте гибели всех подлинных реальностей, реальности личности, реальности нации, реальности государства, реальности церкви, реальности человечества, реальности космоса, реальности Бога. Поистине, всякая реальность есть личность и имеет живую душу – и человек, и нация, и человечество, и космос, и церковь, и Бог. Никакая личность в иерархии личностей не уничтожается и не губит никакой личности, но восполняет и обогащает. Все реальности входят в конкретное всеединство. Ваш же безличный коллектив, лишенный души, оторванный от онтологической основы, несет с собой смерть всякому личному бытию. И потому торжество его было бы торжеством духа небытия, победой ничто. В революционном коллективизме нет ничего человеческого, как нет ничего и сверхчеловеческого, в нём есть что-то нечеловеческое и безбожное, есть истребление человека и Бога. Судьба человека и Бога неразрывны во веки веков. И сам диавол бессилен изменить эту предвечную общность судьбы, в середине которой сам Бог был распят на кресте, как человек.

Вы отрицаете и истребляете личность, все вы глашатаи материалистической революции, социалисты и анархисты, радикалы и демократы разнообразных оттенков, все уравниатели и смесители, провозвестники религии равенства. Вы хотели бы превратить людей в атомы и общество человеческое в механику атомов, в коллектив безличных атомов. Но поистине, человек не атом, а индивидуум, индивидуальность, разностное существо. Каждый человек имеет свою неповторимо индивидуальную судьбу в этой земной жизни и в жизни запредельной, в вечности. Не случайно, не по внешним и бессмысленным причинам выпадает на долю каждого человека его судьба со всеми испытаниями и страданиями. Не случайно и не бессмысленно выпала на долю замученного ребёнка слезинка, о которой говорит Иван Карамазов. Бунт против слезинки ребёнка, против страданий, которыми покупается мировой и исторический процесс, есть отвержение высшего смысла жизни, неприятие божественного миропорядка. Атеист не принимает слезинки ребёнка и всех страданий жизни, он восстает против Бога во имя счастливого и блаженного удела человека на земле. Но он сейчас же готов пролить неисчислимое количество слез и причинить неисчислимое количество страданий, чтобы поскорее достигнута была счастливая и безболезненная человеческая жизнь. Таково нравственное противоречие всех революционеров. Вы, русские революционеры-интеллигенты, много всегда говорили о слезинке ребёнка, о нестерпимых страданиях народа, это была ваша излюбленная тема. Вы впадали в ложную сентиментальность и декламировали, вы обещали безболезненный рай. А когда настал час вашего господства, вы проявили неслыханную жестокость, вы превратили страну вашу в море слез и причинили народу вашему неисчислимое количество страданий. Сентиментальность часто кончается жестокостью. Предохраняет от жестокости более суровый, более жесткий взгляд на жизнь. Постигание и принятие высшего смысла всех слез и страданий жизни просветляет человека. Для всякого, у кого есть религиозное чувство и видение лица человеческого, судьба человека таинственна и не может быть решена в пределах того небольшого отрывка огромной и вечной жизни, который мы именуем земной, эмпирической жизнью человека, от рождения до смерти. Судьба каждого человека погружена в вечность, и в вечности нужно искать разгадки её смысла. Всё кажется случайным, бессмысленным и несправедливым в пределах этой кратковременной жизни. Всё приобретает смысл и получает оправдание в вечности. Но вы, бунтующие против божественного миропорядка и восстающие против вечности, вы не чувствуете и не видите лица человека, вы чувствуете и видите лишь отрывки и клочья личности, лишь преходящие её состояния, лишь временные страдания и удовлетворения. Ваше гуманистическое и сентиментальное заступничество за человека, ваше исступленное желание освободить его от страданий и есть ваше неверие в Бога и неверие в человека, ваш атеизм. И это всегда ведет к истреблению личности во имя освобождения человека от страданий. Принятие смысла страданий, смысла судьбы, которая со стороны представляется столь несправедливой и неоправданной, и есть утверждение личности, и есть вера в Бога и человека. На долю людей выпадает разная судьба, полная страданий и слез, именно потому, что человек – разностное, глубоко индивидуальное существо. Человека нужно брать конкретно, а не отвлеченно, со всей его неповторимой историей, эмпирической и метафизической, во всех его органических мировых связях. Тогда только можно хоть что-нибудь понять в его судьбе. Вы же берете человека, как атом, и все люди представляются вам равными и заслуживающими равного удела. Так хотите вы освободить человека от несправедливостей и страданий, но так вы убиваете человека. Перед вами стоит не человек, а отвлеченный атом. На эти отвлеченные атомы распыляете вы всё бытие. Для человека конкретного и неповторимо индивидуального имеет значение его связь с предками, с родиной, с историей. Не случайна и связь человека с тем или иным сословием и классом. Отвлеченный же и бескачественный человек берется вне истории, вне прошлого, вне родины, вне отцов и дедов. Но это уже не человек, не личность, а атом, абстракция абстракций. Бессмысленно и безбожно само

ваше желание сравнивать страдания людей и рационально учесть, кто страдает больше, а кто меньше, чьи страдания справедливы и чьи не справедливы. Вам не дано быть судьями судебных человеческих и судебных Божиих. Вам дано лишь деятельной любовью к ближним облегчать их страдания, вносить радость в их жизнь. Но это дело любви и помощи людям не может иметь ничего общего с рационалистическим взвешиванием судебных людских, с рационалистическим сравнением этих судебных и принудительным их уравниванием. Ваша революционная религия равенства и есть атеизм, отрицание высшего смысла мировой жизни. Она ведет не к творчеству лучшей и высшей жизни, а к разрушению и к унижению всех богатств бытия.

Я знаю, всё, что я говорю вам, вы назовете «реакционным» и увидите в мыслях моих оправдание социального зла. Но я давно уже перестал придавать значение всем вашим определениям. И все слова ваши звучат для меня как скверный шум. И потому меня не остановят все ваши выкрики и осуждения. Неравенство религиозно оправдано неповторимо индивидуальной судьбой человеческой личности в вечности. Это не значит, конечно, что не должно облегчать и улучшать земной удел человека. Наоборот, это облегчение и улучшение есть исполнение заповеди любви. Но это значит, что нельзя бунтовать против первооснов божественного миропорядка, разрушать их и противопоставлять свой ограниченный и произвольный смысл божественному смыслу жизни. Неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире. Всякое рождение света во тьме есть возникновение неравенства. Всякое творческое движение есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из бескачественной массы. Само богорождение есть извечное неравенство. От неравенства родился и мир, космос. От неравенства родился и человек. Абсолютное равенство оставило бы бытие в нераскрытом состоянии, в безразличии, т. е. в небытии. Требование абсолютного равенства есть требование возврата к исходному хаотическому и темному состоянию, нивелированному и недифференцированному, это есть требование небытия. Революционное требование возврата к равенству в небытии родилось из нежелания нести жертвы и страдания, через которые идет путь к высшей жизни. Это и есть самая страшная реакция, отрицание смысла всего творческого мирового процесса. Пафос революции – реакционный пафос. Насильственное требование уравнивания, исходящее из низов хаотической тьмы, есть посягательство на разрушение космического иерархического строя, образовавшегося творческим рождением света во тьме, посягательство на разрушение и самой личности человеческой, как иерархической ступени, как рожденной в неравенстве. Так совершается посягательство на царственное место человека в космическом строе. Ибо место это добывается страшным неравенством и выделением. Требование равенства может быть распространено и на низшие, нечеловеческие ступени космической жизни. В уравнивательных неистовствах всегда поднимаются не человеческие, но по существу уже аристократические начала, а низшие, нечеловеческие начала в самом человеке, элементарные стихии, элементарные духи природы. Во всех коммунистических движениях масс всегда чувствовалось что-то нечеловеческое, восстание каких-то низших природных стихий, мешавших раскрытию образа человеческого в самих массах. Нужно внести наконец разделяющий свет в тьму ваших смешений. Пафос равенства есть зависть к чужому бытию, неспособность к повышению собственного бытия вне взгляда на соседа. Неравенство же допускает утверждение бытия во всяком, независимо от другого. Вы, уравниватели в небытии, любите пользоваться и христианством для своих целей, вы не прочь даже сослаться на Евангелие, в которое вы не верите и которого вы не признаете. Но в христианстве вы не можете найти для себя ничего, кроме внешних звуков и непонятных для вас сочетаний слов. Вам нет доступа внутрь христианских тайн. Христианство признает абсолютную ценность всякой человеческой души и равноценность всех душ человеческих перед Богом. Но отсюда нельзя делать никаких благоприятных выводов для внешних механических уравниваний и смешений.

Христианство не произвело восстания и революции даже против рабства на известной ступени мирового развития, оно признавало лишь, что душа человека, находящегося в рабском социальном состоянии, имеет абсолютную ценность и равна перед Богом душе господина. Раб и господин могли быть братьями во Христе, и раб мог в церкви Христовой занимать более высокое положение, чем господин. Христианское равенство душ перед Богом принадлежит благодатному царству Духа и непереводаемо на социальную материальную плоскость. Для христианского сознания душа человеческая имеет абсолютную ценность, но не имеет абсолютной ценности земная, эмпирическая жизнь человека. Ценность, святость, духовная реальность имеет большее значение, чем земная эмпирическая жизнь людей, чем их благо и удовлетворение, чем самая жизнь их. Христианство не боится страданий на земле, оно принимает их и признает их значение в свершении судьбы человека. Для христианского сознания страдания и слёзы очищают душу. Это сознание не учит возвращать билет Богу, как того требует атеист Иван Карамазов во имя страданий людей, из невозможности осмыслить зло жизни. С христианством вам нечего делать. Вы – отщепенцы от христианства.

Вы шумно восстали на защиту постижимых целей человеческой жизни против целей таинственных, в защиту человека против Бога. Вы восстали против жертв, которых требует всё таинственное и великое. Во имя понятного и рационального производите вы революции и восстания, во имя мещанских утопий, понятного и малого земного благополучия каждого и всех отвергаете вы величайшие святости и ценности. Человеческое благо каждого и всех противоположили вы сверхчеловеческим ценностям. И столкнулись два непримиримых мировоззрения, два непримиримых чувства жизни. Мы, люди религиозного мировоззрения и религиозного чувства жизни, религиозно принявшие божественный порядок, склонившиеся перед религиозным смыслом жизни, мы принимаем жертвы малой, близкой, понятной земной человеческой жизнью и земным человеческим благом во имя таинственных и великих целей жизни человеческой и мировой. Мы не бунтуем против истории и культуры, купленных дорогой ценой, жертвенной кровью бесчисленных поколений наших предков. Мы религиозно отвергаем, как низменную и предательскую, самую мысль о создании благополучия и блаженства на земле, в которой схоронены все поколения наших страдавших и приносивших жертвы предков, на кладбище великих покойников и великих памятников прошлого. Неблагодарна и безбожна сама эта мысль ваша освободить от жертв и страданий поколения грядущего на счет поколений прошедших. С более глубокой, не материалистической и не позитивистической точки зрения непонятно даже, почему поколения грядущие должны для нас обладать большей реальностью и больше интересоваться нас, чем поколения прошедшие. Есть что-то низкое и безобразное в этом торжестве временного над вечным. Вы, обращенные исключительно к грядущей благополучной жизни, находитесь во власти духа смерти, а не духа жизни. Как глубок был Н. Федоров, когда он поставил перед блудными сынами проблему воскрешения всех умерших предков. Это – задача более радикальная, более великая и достойная, чем ваш рационалистический и моралистический суд над историей, чем ваше истребление прошлого во имя блага грядущего. В тот день, когда окончательно восторжествовала бы точка зрения блага каждого и всех и победила бы точку зрения сверхличной и сверхчеловеческой ценности и святости, в мире невозможно было бы уже ничто великое, ничто истинно могущественное и прекрасное. Жизнь человеческая пала бы до самых низин, она стала бы элементарной и упрощенной, полуживотной жизнью.

Торжество точки зрения личного блага привело бы к падению личности. К возвышению личности ведет лишь точка зрения сверхличной ценности. Это – непререкаемый исторический факт, который требует истолкования. Личность подымается и восходит, когда в ней раскрываются и творятся сверхличные ценности. Человеческое в истинном смысле этого слова утверждается, когда в нём утверждается божественное. Всякая ценность есть лишь

культурное выражение божественного в исторической действительности. Божественное требует жертв и страданий. Воля к божественному в человеке не дает ему успокоения, она делает невозможным никакое благополучие на земле, она влечет его в таинственную даль, к великому. Точка зрения личного блага каждого и всех направлена к низвержению божественного, она по существу антирелигиозна. Жажда божественного в человеческой душе действует, как пожирающий огонь, и сила этого огня может произвести впечатление демонической. Многие из вас – моралистов – видят демоническую силу во всякой исторической судьбе, в создании государств и культур, в их славе и величии. Проблему эту с гениальной остротой чувствовал К. Леонтьев, когда говорил: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах *для того* только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушеествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?» Вы стали за «индивидуальное» и «коллективное» благодушеествование, за серый социальный рай против Моисея и гениального красавца Александра, против акрополей и пунических войн, против апостолов и мучеников, против рыцарей, поэтов и живописцев. Прошлое величие основано на жертвах и страданиях. Вы же не хотите более жертв и страданий во имя таинственной дали, непонятной каждому в отдельности и всей массе в целом. Прошлое величие хотите вы поставить на всеобщее голосование и отдать на суд для всем понятного человеческого блага в этой краткой земной жизни. Но вы не знаете и любви к ближнему, живому в плоти и крови, конкретному существу. Человек для вас не ближний, а абстракция. Любовь к ближнему знает лишь христианство и соединяет её с любовью к Богу.

Социологию вашу вы пробовали основать на том ложном предположении, что общество должно быть однородным, упрощенным, недифференцированным, для того чтобы личность была развитой, дифференцированной и разнородной. Цветение личности, личности каждого и всех хотели вы связать с отцветанием общества, государства, нации, с переходом их в состояние, которое К. Леонтьев называл «упростительным смешением». У вас всегда было отвращение к сложному цветению культуры, к славе и величию государств, к великой исторической судьбе наций. В этом сложном цветении, в этой славе и величии видели вы угрозу для личности, для её блага. Но поистине, вы всегда заботились не столько о личности, сколько о равенстве личностей. Вы всё оглядывались на соседа каждой личности и присматривались, чтобы он не оказался выше, не расцвел бы более другого. Вас всегда интересовала безличная личность, личность всякого, уравнивание личностей. Но равенство ваше пребывает в каком-то промежуточном царстве небытия, в пустоте, его нет ни в одной живой, конкретной личности. Во имя уравнивания личностей готовы вы истребить всякую личность, подрезать возможность всякого её цветения. Поистине всякий творческий порыв в личности есть порыв к неравенству, нарушение равенства, возвышение. Н. Михайловский со своей теорией борьбы за индивидуальность был выразителем того социологического учения, по которому лишь уравненное и упрощенное общество благоприятно расцвету каждой личности. Тому же учил и Л. Толстой, но учение его было не социологическое, а морально-религиозное. Моралистический индивидуализм Толстого требовал прекращения всемирной истории, упразднения всех государств и всех культур, чтобы центр тяжести жизни был окончательно перенесен в человеческую личность каждого и всех. И Толстой, и Михайловский радикально отвергают общественное разделение труда, как начало, враждебное личности. И социализм требует упрощения и смешения общества, уравнивания общественной среды и от этого ждет блага для личности каждого и всех. Полярной противоположностью Михайлов-

скому был К. Леонтьев, мыслитель более глубокий и оригинальный, чем все ваши учителя и идеологи. Сложное цветение личности связывал он со сложным цветением общества, со сложной государственностью, с великой исторической судьбой наций. Упростительное смешение общества, которое несет с собою торжество либерально-эгалитарного прогресса, век демократии, связано с отцветанием личности, с обезличиванием, с угашением личностей творческих и ярких. Век возрождения был веком сложного цветения общества, огромных неравенств в строе общества, но он же был и веком сложного цветения личностей, расцвета гениев. Святые были ярким и необычайным проявлением личного начала, но наибольшее развитие святости бывало в эпохи великих неравенств. В век равенства и упростительного смешения, в век торжества демократии нет уже святости и гениальности, с которыми связаны величайшие победы личного начала. Единство в разнообразии – критерий совершенной красоты культур. Романтическое учение К. Леонтьева может получить и вполне научное социологическое подтверждение. Так, Зиммель, в противоположность Михайловскому, объективно обосновывает ту истину, что дифференцированность личности не обратно пропорциональна, а прямо пропорциональна дифференцированности общества. Развитию личности благоприятно не однородное и уравненное состояние общественной среды, а дифференцированное и сложное её состояние. Без общественного разделения труда никогда личность не могла бы подняться, не могла бы выделиться из первоначального коммунизма равной тьмы. Индивидуальность, личность человеческая не дана изначально в природном и историческом мире, она в потенциальном состоянии дремлет в хаотической тьме, в зверином равенстве и освобождается, поднимается и развивается лишь путем трагической истории, путем жертв и борьбы, через величайшие неравенства и разделения, через государства и культуры с их иерархическим строем и принудительной дисциплиной. Людям XX века, столь искушенным в познании, столь много испытавшим, не пристало уже строить идиллические теории о благом естественном состоянии, о природном порядке, в котором будто бы торжествует индивидуальное и личное начало, и о разрушении этого благого состояния и этого природного торжества индивидуальности и личности неравенством, принуждением и дисциплиной государств и культур. Всякий раз, когда свержается иерархический строй, когда хотят освободить личность от всякой дисциплины и государства и культуры, подымается звериный хаос, истребляет личность, убивает образ человека. Свобода личности всегда имеет своим коррелятивом тысячекратную дисциплину сложной культуры, претворяющей хаос в космос. Всякий космический мир – дифференцирован, основан на неравенствах и дистанциях. Личность утверждается и расцветает в космическом мире, в космическом ладе общественной жизни. В мире хаотическом, в массах, окончательно потерявших всякую иерархическую дисциплину, личность отцветает и погибает.

Вы не знаете личности, вы утопили её в массах. Вы потеряли чувство различий и дистанций. И связано прежде всего это с тем, что вы перестали ощущать и сознать радикальное зло человеческой природы. Зло одержало над вами победу, заставив себя отрицать. Иные из вас готовы ещё признать Бога в какой-то расплывчатой форме, но никто из вас не способен увидеть зло. Это радикальное отрицание радикального зла получило наименование гуманизма. Вы надеялись освободить человека путем отрицания зла. На этой безгрешности человеческой природы, якобы испорченной и поработанной иллюзиями религии, насилиями государства и социальными неравенствами, построили вы свои теории прогресса. В прошлом человечества вы видели много зла, но это не было радикальное зло, заложенное в метафизической глубине, это всегда было зло социальное, лежащее на поверхности общественной среды. В будущем же вы провидите одно добро. Ваша социальная философия оптимистична. Гуманизм всегда оптимистичен. Но есть ли основания для такого оптимизма, оправдывается ли он, если заглянуть в глубину жизни? Я думаю, что социальный

оптимизм всегда поверхностен. Вашему гуманистическому оптимизму необходимо противопоставить пессимизм более глубокий, суровый и здоровый. Ваш социальный оптимизм и ваша социальная мечтательность говорят об отсутствии в вас необходимого для всякого освобождения аскетизма, о распушенности вашего духа. Для духовного оздоровления необходима аскетика, воздержание от нездоровой социальной мечтательности. Розовые теории прогресса и совершенного грядущего общества слишком часто на практике вели к жестокости и к понижению уровня человека. Гуманизм имел своё значение в истории человеческой культуры и через него необходимо было пройти. Но последние плоды гуманизма, как отвлеченного начала, истребляют человека, они – самоубийственны. Это с глубокой остротой было создано Ницше, после которого невозможен уже пафос гуманизма.

Неблагородны и некрасивы самые духовные основы вашего социально-революционного мироощущения и мирозерцания, темен самый подпольный его источник. В основе этого мироощущения и мирозерцания лежит психология обиды, психология пасынков Божиих, психология рабов. Сыны Божии, свободные в духе своем, не могут иметь такого чувства жизни. Свободные сыны Божии, сознающие своё высокое происхождение, не могут испытывать чувство рабьей обиды, не могут сознавать себя духовными пролетариями, поднимающими восстание, потому что им нечего терять и нечем дорожить. Поистине, существует не только социальная, но и духовная категория пролетария, особый духовный тип. Этот духовный тип пролетария делает все внешние революции, оторванные от глубины жизни, от мирового целого. Обида, озлобление, зависть – вот душевная стихия, вот подпольная психология духовного типа пролетария. На таком душевном основании нельзя построить прекрасного и свободного человеческого общества. Свободные сыны Божии чувствуют не обиду, а вину. Сознание вины соответствует царственному достоинству человека, оно является печатью его богосыновства. И пролетарии по своему социальному положению могут иметь это царственное, богосыновское сознание, могут раскрыть в себе свободу духа. Благородство духа человеческого не зависит от внешнего социального положения. Но когда обида, зависть и месть отравили сердце человеческое, дух перестает быть свободным, он в рабстве, он не сознает своего сыновства Богу. И потому истинные освободители человека должны призывать его к сознанию вины, а не обиды, должны пробуждать в нём сознание свободы сынов Божиих, а не рабства сынов праха, сынов необходимости. Вот почему свободный в духе своем не может исповедовать пролетарско-революционного мирозерцания.

Письмо третье О государстве

Как слабы и беспомощны все ваши рационалистические теории государства. В XVIII веке вы хотели рационально объяснить природу государства теорией общественного договора, в XIX веке вы пробовали объяснить её из борьбы классов и факторов экономических. Но все, все объяснения, старые и новые, наталкиваются на какой-то рационально неразложимый остаток, на непостижимую тайну власти. В государстве есть мистическая основа, и эта мистическая основа должна была бы быть признана и с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. Начало власти – совершенно иррациональное начало. Во всякой власти есть гипноз, священный или демонический гипноз. Никто ещё и никакой власти в мире не подчинялся по рассудочным, рациональным основаниям. Власть никогда не была и никогда не может быть организацией человеческих интересов, организацией господства каких-либо интересов или равнодействующей интересов. Власть всегда есть проникновение какого-то таинственного начала в человеческие отношения, исходящего от Бога или от дьявола. Государство есть особого рода реальность, неразложимая на элементы чисто человеческие и на чисто человеческие интересы. Бытие государства есть факт мистического порядка. Государство не выводимо ни из каких человеческих интересов и расчетов, и нельзя принудить признать государство, подчиниться государству никакими рациональными доводами. На почве номиналистического и атомистического мирозерцания, которого держится большая часть позитивистов и материалистов, невозможно признать государство и не имеет смысла подчинять себя ему. Государство самым фактом своего существования свидетельствует об онтологическом реализме, о существовании реальностей иного порядка, чем те, которые признаете и видите вы – эмпирики-номиналисты разных оттенков. Вам кажется, что организация государства – рациональная организация. Но поистине безумно подчинение власти государства, и все революционные идеологии строятся во имя рационалистического восстания против этой власти. Революция всегда хочет разрушить священный гипноз власти. Но сама она немедленно же попадает во власть другого гипноза. Существует неразрушимая магия власти, которая лишь переходит из одного состояния в другое. И новая революционная власть обладает магией власти, она заимствует её от магии старой власти, она пользуется старым и вечным гипнозом масс. Никакие рассудочные рациональные мотивы не могут заставить массы подчиниться государству и нести для него жертвы. Это не может быть оправдано никакими интересами. Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей. Объективно-онтологический элемент государственной власти присутствует и действует во всех формах, как бы они ни были плохи и какому бы разложению ни подвергались. Он действует и в советской власти. Природу власти нельзя смешивать и отождествлять с какой-либо формой власти. Государство не может определяться никаким данным человеческим поколением. Государство поддерживает реальную связь времен в жизни народов, и потому оно не может стоять в такой зависимости от времени, какой хотят те, которые отдают его временному потоку. Государство не может быть создано и не может быть разрушено никаким человеческим поколением. Оно не является собственностью людей, живущих в каком-либо периоде истории. В этом смысле государство имеет сверхвременную и сверхэмпирическую природу.

Вы хотите растворить государство в обществе, отождествить его с обществом и этим рационализировать его без остатка. Но поистине государство не может быть целиком сведено к обществу и выведено из общества, в нём всегда есть иррациональный остаток, при-

внесенный не из общества и несводимый на взаимодействие или противодействие общественных сил. С этим остатком, несводимым на общество, и связан *specificum* государства. Этот *specificum* не связан ни с какой формой государства, он присутствует во всякой форме, если государство не упразднено и не уничтожено, он переживает революции и революционные учения о государстве. Ваши общественные учения о государстве всегда приходят к ложной конструкции власти. Эти учения видят во власти не обязанность и тяготу, а право и притязание. Они толкают по пути свирепой борьбы за власть. Этим они подрывают нравственную опору у власти и отрицают за ней нравственный смысл. При такой конструкции власти она должна быть равнодействующей интересов и обслуживающей интересы. И ищут путей для отстаивания интересов, для обеспечения за интересами надлежащей власти. На путях этих происходит атомизация государства и теряется всякая онтологическая его основа. Государство не может быть также выведено из взаимодействия личностей как единственных реальностей. Государство есть реальность *sui generis*, реальность иного порядка, чем личность. Реальность государства и реальность личности находятся во взаимодействии, они воздействуют друг на друга и нуждаются друг в друге, но могут и сталкиваться, и из столкновения их могут рождаться трагические конфликты. Государство может преступать пределы, предназначенные ему Богом, и попирает реальности другого порядка. Тогда начинается болезненный процесс в жизни государства и ему грозят большие потрясения. Но и личности, общественные группы и целые общества могут переступать свои пределы и посягать на реальность государства. Тогда тоже происходят болезненные процессы в жизни общества и государства. Нередко болезненные процессы этих порядков бывают связаны друг с другом. В революционных движениях и революциях личности, общественные группы и государства выходят из своих пределов и нарушают иерархический строй и лад.

Власть государственная имеет религиозную первооснову и религиозный исток. Этой древней истины не удалось вам опровергнуть вашими рационалистическими теориями. Истина эта представляет собой положительный факт. Власть имеет онтологическую основу, и она восходит к первоисточнику всего, что имеет онтологическую реальность. Онтология власти исходит от Бога. Это поведал всему христианскому миру гений апостола Павла, когда он сказал, что «всякая власть от Бога» и что «начальствующий носит меч не напрасно». Не случайно враждуете против апостола Павла, все вы, желающие христиански оправдать анархизм. Апостол Павел – самое большое преткновение на пути вашем. Это он не допустил превращения христианства в еврейскую революционно-апокалиптическую секту, это он ввел христианство во всемирную историю. Вы же, христиане-анархисты, христиане-сектанты, вновь хотите вывести христианство из всемирной истории. Вы хотели бы сорвать дело всемирной истории. Это – ложь, что христианство – анархично, что христианство отрицает государство.

Сам Христос учил воздавать кесарево кесарю. Но он воспретил воздавать кесарю Божье. Христос признал самобытную сферу царства кесаря, он признал значение этой сферы для царства Божьего. Вы же, христиане-анархисты, хотите обеднить царство Божье, выбросить из него окончательно большую самобытную сферу, хотите своим максимализмом довести его до минимума по объему. Поистине, ваш максимализм есть минимализм, он не видит и не хочет знать многообразия и богатства бытия, в нём есть иудейская бедность. Христианский анархизм мыслит христианство как маленькую секту, противящуюся всемирно-историческим судьбам человечества. И потому христианско-анархическое сознание – безответственное сознание. Апостол Павел сделал христианское сознание ответственным.

Вы, желающие соединить христианство с анархизмом, вы, отвергающие государство во имя Христовой правды, вы заглушили в себе чувство первородного греха, вы забыли, что природа человека во зле лежит. Ваш розовый оптимизм непримирим с религией Голгофы.

Государство противится греховному хаосу, мешает окончательному распадению греховного мира, подчиняя его закону. Вл. Соловьев хорошо сказал, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Грешное человечество не может жить вне государства, вне онтологических основ власти. Оно должно быть подчинено закону, должно исполнить закон. Отмена закона государства для человечества, пораженного грехом, есть возвращение к звериному состоянию. Государство есть соединяющая, упорядочивающая и организующая онтологическая сила, преломленная во тьме и грехе. Принуждающая и насилующая природа государства сама по себе не есть зло, но она связана со злом, есть следствие зла и реакция на зло. Принуждение и насилие может быть добром, действующим в злой и темной стихии. Но это не значит, конечно, что всякое государственное принуждение и насилие хорошо, оно и само может быть злом и тьмой. В свете христианского сознания должны быть познаны аскетические основы государства. В природе государства есть суровость. Государственное сознание видит силу зла и слабость естественного добра в человеке. В нём нет слащавого оптимизма, в нём есть суровый пессимизм. В идее государства нет мечты о земном рае и земном блаженстве. Такая мечта всегда связывается с отрицанием государства. Государство менее притязательно, более элементарно и просто. В государственной идее есть аскетическая суровость. Мечтательное отрицание государства во имя утопии земного рая и блаженства есть разврат в жизни общественной, отсутствие аскетической самодисциплины и воздержанности. Ваша анархическая социальная мечтательность нравственно столь же предосудительна, как и сексуальная мечтательность, вечно представляющая себе любовные объятия. Будьте суровее и трезвее. Это и эстетически более привлекательно. Безбрежная социальная мечтательность антиэстетична. В ней есть антиэстетическая распущенность. Железная необходимость тяжело ударяет по этой мечтательности и обращает к действительности. И в этой необходимости есть воспитывающее начало, есть ограничение субъективного произвола. Здоровый религиозный пессимизм должен признавать суровость государства, правду закона для злой и звериной человеческой природы, природы ветхого Адама. В государстве есть правда сдержанности и самоограничения, есть своя красота аристократической холодности и оформленности. Безгосударственные утопии и мечты не знают формы, границы, расстояния, в них всегда чувствуется недостаток духовного аристократизма.

Все вы, исповедующие демократическую метафизику, восстаете против иерархической природы власти. Но поистине власть не может не быть иерархична, и низвержение всякого иерархизма есть низвержение всякой власти, т. е. возвращение к изначальному хаосу. Доныне и во всех демократиях сохранялось иерархическое начало. Последовательной демократии, низвергающей всякий иерархизм, никогда не было и быть не может. Такая последовательная демократия и есть анархия. Она возможна лишь как кратковременное переходное состояние, после которого вновь образуется власть через дифференциацию и неравенство, через восстановление иерархического начала, хотя бы и в совершенно новых формах. После французской революции и после всех революций, следовавших за французской, Европа осталась иерархической. Европа пытается сочетать иерархическое начало с демократическим. Процесс этот протекает в непрерывной борьбе, он означает в высшей степени неорганическое состояние всех европейских государств и народов. Но цивилизованные народы не могут допустить низвержения своего существования в анархический хаос и потому держатся за вечно обновляющее и возрождающее иерархическое начало. Всякое государство основано на неравенствах, на дифференциациях в строении общества, на различиях и расчленениях в народной стихии, в массе. История советской социалистической республики блестяще это доказывает. Нет государства и нет власти, пока существуют нерасчлененные, хаотически смешанные стихии и массы. В этих стихиях и массах всё тонет и исчезает, ничто

не направляется и не осуществляются никакие цели. Направляющая и осуществляющая цели власть родилась лишь в тот день, когда возникло неравенство, произошло расчленение и дифференциация, выделились качественные элементы. Власть государственная родилась в насилиях, но насилия эти были благостны и они поставили цели мирового движения в тьме, неспособной ни к каким различиям. Первый насильник, образовавший власть в хаосе, установивший различия, поставивший цели, был благодетелем человечества, и на нём почил Божье помазание. Вы же ведете процесс против этого первого насильника и против его рода, вы в нём видите источник зла, от которого хотите освободить мир. В этом ваша ошибка. Происхождение власти – монархическое, а не демократическое, она возникла из почитания героя. Вы ложно мыслите о природе человека и природе мира, вы, ни во что высшее не верующие, позитивисты, материалисты и рационалисты, вы впадаете в слэщавый оптимизм и прекраснодушную идеализацию, когда заходит речь о первобытной природе человека и человеческом обществе. Вы не видите зла, не видите его в изначальной глубине человеческой природы, вы забываете о той хаотической звериности, о которой учит и признаваемая вами положительная наука, и потому зло относите к возникновению государства, социальных дифференциаций или неравенств, в которых образовывались все культуры. Один из ваших учителей, Ж. Ж. Руссо выдумал нелепую теорию общественного договора. В основе этой теории лежало прекраснодушно-оптимистическое представление о безгрешности и доброте естественного человека – предположение, прямо противоположное всему, чему учит и религия, и наука. В теории этой были разложены все органические единства, общество человеческое было атомизировано и воссоздание общества и государства поставлено в зависимость от механической суммы атомов. Не только общество и государство в этой теории потеряли органическую целость, но и человек перестал быть органической индивидуальностью, всегда неповторимой в своем своеобразии и своей судьбе, превратился в атом. Так сначала государство ставится в зависимость от человеческого произвола, а потом человек ставится в зависимость от произвола государства. В этом есть истребляющее противоречие. То отождествление государства с обществом, которое утверждается теорией общественного договора и народного суверенитета, ведет к совершенному деспотизму. Поистине, государство менее деспотично, чем общество, возмнившее себя государством. Отрицаются религиозные истоки государства, независимые от человеческой воли и человеческого произвола, но именно потому и утверждается безграничная власть государства-общества над человеком. Учение Руссо есть самоистребление человека, самая горькая из неволь – неволя человека у людей, а не у начал высших, чем человеческие. Государство, как объективное начало, не утверждает, что ему целиком принадлежит человек, оно претендует лишь на часть человека. Общество же человеческое, произвольно создаваемое людьми, не знает границ своим притязаниям, оно готово забрать человека целиком. Государство спасает человека от коллективизма, поглощающего личность. В этом одна из миссий государства. Человек ограничивается стоящими над ним объективными началами и этим охраняется. Теория общественного договора не только религиозно и научно несостоятельна, но и ужасна по своим тираническим последствиям. Другой учитель ваш, К. Маркс, признавал объективную необходимость, он любил ссылаться на железную закономерность. Но не в этом был его пафос. Пафос объективности, природной необходимости и закономерности не пленил бы вас. Вы потому за ним и пошли, что он провозгласил беспредельный классовый субъективизм, что он обоготворил волю пролетариата. Объективную, обращенную к закономерности и необходимости сторону в учении Маркса вы никогда не могли принять до конца и быстро забыли о ней. Но вас пленяло учение о том, что государство есть организация классового господства. В этой поверхностной и жалкой теории вам понравился субъективный человеческий произвол, с которым можно низвергать одно классовое господство и заменять его другим. Для этого сознания общества и государства слагаются не из абстрактных атомов,

а из абстрактных классов. Но и в том и в другом случае пафос ваш есть пафос вражды ко всему онтологическому в жизни общества, ко всему, проистекающему из большей глубины.

В общественной философии, в учениях о государстве здоровым противоядием против революционного произвола, против субъективного разложения всех объективных реальностей может быть и социологический натурализм. В социологическом натурализме есть ограниченность, он не видит последних, онтологических, духовных основ в жизни обществ и государств. Но в нём есть какая-то частичная правда против неправды социологического субъективизма, царящего во всех революционных идеологиях. Не случайно великий «реакционер» Ж. де Мэстр может быть признан одним из вдохновителей натуралистической социологии XIX века. Он дал религиозное обоснование тому учению об обществе, которое было в высшей степени благоприятно для утверждения объективной, природной закономерности общественных процессов и которое получило научное обоснование. Пафос объективной закономерности и необходимости может дезинфицировать разгоряченную революционную атмосферу, он склоняется перед непреложными и непреодолимыми реальностями. И более всего необходим он в отношении к государству. Государство есть объективная природная и историческая реальность, которая не может быть ни создаваема, ни разрушаема по человеческому произволу. И те, которые не хотят и не могут принять этой реальности религиозно, должны принять её натуралистически, в силу принуждения научной закономерности. Объективная необходимость, железная закономерность тяжело ударяют по тем, которые добровольно и осмысленно не принимают исторических реальностей. Бунт карается законом необходимости. И если все революции кончались контрреволюциями, иногда очень жестокими и безобразными, то это были необходимые реакции исторических реальностей, реакции самой природы в её глубине, не соглашающейся быть изнасилованной, а не только злой воли людей и людских групп. Такова онтологически существенная сторона «реакций», совершенно недоступная вашему «просвещенному» сознанию, а не поверхностная их сторона, в которой всегда бывало много человечески дурного.

Нельзя отрицать значения борьбы рас и завоеваний в образовании государства. Через эти «натуралистические» пути организовалась государственная власть в первоначальных стадиях развития обществ. В суровой борьбе и войне образовалась раса правителей, происходил подбор лучших, укреплялась аристократия власти. В жизни человеческих обществ, в историческом процессе раса имеет огромное значение. Без образования расы лучших и сильнейших, расы царственной, мир человеческий никогда не вышел бы из темного нерасчлененного хаоса. В истоках истории дифференциация и качественные подборы происходили путем воинственной борьбы рас и народов, путем завоеваний и побед более сильных над более слабыми. И эти «натуралистические» способы образования и организации государств нисколько не противоречат религиозным и мистическим основам государства. В социологическом натурализме Л. Гумпловича есть несомненная доля истины, и он вполне может быть отделен от позитивизма Л. Гумпловича. Государства основывались на расовых неравенствах, на преобладании расы сильнейших и лучших. И в первоначальной истории человеческой в преобладании естественной силы есть своя правда. Если мы справедливо встаем против преобладания силы над правом, то этим не выражена ещё последняя истина. Это идеалистическое суждение должно быть возведено к каким-то реалистическим основам и источникам. Гуманистические декламации об отношении силы и права не решают проблемы. На большей глубине сила должна быть признана источником права, но сила, имеющая онтологическую основу. Натуральная же сила на известных ступенях развития человечества может быть выражением онтологической силы, т. е. через нее может осуществляться какая-то правда. Без силы, возникающей из недр природы, не могла бы начаться и торжествовать правда в мире. Через силу, силу природы и породы, должен быть введен свет в тьму. И не могло быть гуманитарного отношения к этой тьме, не могло быть построено отношение

к ней на праве бессильном. Волны первоначального хаоса, тьмы и дикости захлеснули бы человеческую цивилизацию, если бы в побеждающей силе не было подбора более высоких качеств и более светоносных начал. Все государства родились в кровавых насилиях. Первый властитель был величайшим насильником. Но так жалки все ваши декламации против этих насилий, все ваши бунты против этих царственных насильников. Поистине, ветхозаветно благостны и праведны были эти насилия, и никогда без них не поднялись бы мы из тьмы и хаоса до человеческого космического состояния. Без этих священных насилий род человеческий утонул бы в зверином хаосе у самых истоков своей истории. Вы должны подчиниться божественному миропорядку, принять внутреннюю правду водительствующих в истории сил, или вы будете раздавлены природными силами, которые для бунтующих принимают форму внешней закономерности и необходимости.

Самые рассудительные из вас готовы признать значение государства. Но слишком утилитарно признаете вы государство и потому хотели бы ограничить его каким-нибудь служебным минимумом. Но государство не есть способ устройства ватерклозетов. Государство есть некая ценность, и оно преследует какие-то большие цели в исторической судьбе народов и человечества. Не только с малым, но и с большим связано государство. По природе своей государство стремится к усилию и расширению. Сила государства есть ценность. Сила государства имеет не утилитарную цель, не для мещанского благополучия людей она существует, а для выполнения более высокой миссии. Государство не может потерпеть, чтобы у него были подрезаны крылья, — оно устремлено в историческую даль. Неотвратный рок влечет всякое большое государство к стяжанию себе могущества, к увеличению своего значения в истории. Большое государство не может добровольно согласиться на ограниченное мещанское существование и никогда в истории не соглашалось на это. Империализм есть рок всякого большого государства, его мечта о величии и мировой шире. Империализм есть не только реальная политика больших государств, претендующих на мировую историческую роль, но и их романтика. Империализм есть завершение и цветение всякого большого государства, его предел. В империалистической мечте есть что-то демоническое и пожирающее. Большие государства великих исторических народов подчинены неотвратимой империалистической диалектике, через которую они достигают могущества и погибают, возносятся на вершину и ниспадают. В империализме на вершине его достижений нарушаются границы государства, государство переступает свои пределы и переходит во всемирное единство, которое уже не может быть названо единым государством, отличным от всех других государств. Империя всегда стремится быть всемирной империей. И по идее только и может быть одна, единая мировая империя. Империя с трудом терпит существование рядом с собой других империй. Такова чистая идея империи, это — идея всемирного объединения. Эмпирически же в истории идея эта не реализуется в чистом виде, она подвергается замутнению и дроблению. Империалистическая идея противоположна всякому мещанству в государственном существовании, всякой ограниченности, сдавленности и прикованности к небольшому куску земли. Вы, подымающие уличные крики против империализма и изобличающие его «буржуазность», вы — настоящие мещане и во имя мещанских идеалов бунтуете против великих и непонятных вам исторических задач. Вы хотите, чтобы государство и общество жили исключительно понятными, рассудочно осмысленными целями, малыми, близкими, ограниченными, вы бунтуете против всякой исторической дали, таинственной и иррациональной, для большинства людей непостижимой. Ибо непостижимо для большинства людей, почему Александру Македонскому с огромными жертвами нужно было образовать великую монархию и объединить Восток и Запад, почему нужна была Римская Империя, почему лучшие люди средневековья жили мыслью о всемирной монархии, о священной империи, почему Наполеон предпринял свои безумные походы в погубившую его даль, почему в наши дни

разгорелась страшная мировая война и столкнулись империалистические воли к преобладанию. Все это – безумие, бессмыслица и преступление перед судом рассудочного мещанского сознания, знающего лишь благо людей и людских поколений. От неведения, от страха перед всем далеким и таинственным ведете вы ваши мещанские бунты против великих исторических сил и великих исторических задач. Вы схватились за «буржуазность» современного империализма, но вы забыли, что стиль современного империализма «буржуазен» потому, что всё в современной жизни имеет «буржуазный» стиль, на всем лежит печать современного экономизма. Как будто бы менее «буржуазен» ваш социализм, как будто бы менее «буржуазны» все ваши революции? Не «буржуазен» разве стиль вашей души, не «буржуазны» разве все ваши цели? Вы забыли в сутолоке наших дней о древних истоках империализма, забыли о существовании империализма «священного», столь непохожего по стилю своему на современный торгово-промышленный империализм. Империализм стар, как мир, он возник не в нашу буржуазно-капиталистическую эпоху. Империализм – одно из вековых мировых начал. В древнем Египте, Ассирии, Вавилоне, Персии была уже империалистическая воля к образованию всемирной империи, к выходу за пределы мещанского государства. В образовании великих восточных монархий, всегда стремившихся к всемирному объединению, действовали, казалось бы, факторы самые натуральные и экономические. На древнем Востоке происходила естественная борьба монархий, естественная смена одной монархии другой, подбор сильнейших и гибель слабейших. Но в этой природной среде, через эти природные силы реализовались какие-то далекие, таинственные цели истории, свершался смысл истории. Древний империализм имел не только естественную, но и священную основу, и он был освящен религиозно. Величайшим достижением древнего империализма была всемирная монархия Александра Македонского. Религиозное освящение своей власти Александр Великий получил из Египта, от египетских жрецов. К всемирной монархии Александра вели все предшествующие великие империалистические образования и непосредственно империализм персидский. В ней совершилось небывалое ещё столкновение, соприкосновение и объединение двух миров – Запада и Востока. Оба мира вышли из своего замкнутого состояния, и образовалась небывалая ещё ширь и даль горизонта. Вся эллинистическая эпоха была духовным объединением и обогащением человечества на почве империалистической борьбы, империалистических достижений. В истории обычно достигается и реализуется не то, что ставилось непосредственной целью. Всемирная монархия, к которой стремился Александр Великий, оказалась очень непрочной и кратковременной. Но результаты дела Александра Великого для мира и человечества оказались неисчислимыми и вечными по своему значению, – выковывалось единство человечества. Следующий империалистический этап – Римская Империя – была величайшим достижением в истории империй, в ней достигнута была истинная всемирность. Но те римляне, которые создавали Римскую Империю, и не подозревали, что они служат более далекой и таинственной цели, чем образование великого мирового государства, что они создают естественную основу в едином человечестве для Вселенской Церкви Христовой и что дело их останется и после того, как будет разрушено созданное ими великое государство. Так всегда бывает в истории. Ближайшие реальные цели служат лишь временным средством для далеких и таинственных исторических целей. Империализм английский преследовал довольно эгоистические торгово-морские и промышленные цели. Но послужил он делу мирового объединения человечества, выходу европейской культуры за свои пределы в мировую ширь. И состязание современных «буржуазных» империалистических волей к мировому могуществу имело какой-то высший таинственный смысл. Но вам, мещанам от демократии и социализма, сдавленным рассудочным сознанием, не дано понять этого смысла. Пора уже перестать прямолинейно морализировать над историей и переносить на историческую действительность критерии индивидуалистической морали. Морально одинаково были правы или одинаково не правы

персы и греки, когда боролись за свою силу и своё преобладание, и морально одинаково правы или не правы германцы и англичане, когда они боролись за свою силу и преобладание. Борьба империалистических волей в истории не есть борьба добра и зла; это свободное состязание народов и государств, среди которых нет совершенно отверженных Богом и исключительно Им избранных. И не так уж не прав английский империалист Крэмб, когда он говорит: «Если страшному событию войны с Германией когда-либо суждено совершиться, то земля увидит столкновение, которое более чем что-либо напомним описание великих греческих войн... И мы можем представить себе древнее могучее Божество тевтонского племени, обитающее под облаками, спокойно взирающее на землю, на столкновение своих любимых детей, англичан и германцев, ринувшихся в смертельную борьбу; Божество, улыбающееся героизму этой борьбы, героизму детей Одина, Бога войны». Бог Крэмба – языческий бог, но и христианский Бог предоставляет своим народам свободу в проявлении своей духовной и материальной мощи. Никакая побеждающая сила не может быть исключительно материальной, она всегда имеет и духовную основу, духовный источник. В историческом процессе необходим естественный подбор духовно-материальных сил. Торжество слабости вело бы к понижению уровня человечества. Вы выбросили проблему империализма на поверхность. Её необходимо рассматривать на большей глубине. Тогда лишь раскроется нам двойственная природа всякого большого, сильного и возрастающего государства: с одной стороны, государство хочет быть отдельным национальным государством в ряду других, имеющим пределы и индивидуальные формы, с другой стороны оно стремится преступить пределы особого государства и стать государством мировым. Национальное государство – мещанское государство, оно может быть более спокойным и довольным. Империалистическое государство находится во власти таинственного исторического рока, который сулит ему и величие и гибель, оно вступает в историческую трагедию, из которой нет уже выхода. Но великий народ притягивают дали и пленяет слава более, чем мещанское спокойствие и довольство. Нужно, впрочем, оговориться, что в путях своей трагической исторической судьбы империализм создает и мещанское довольство, которым пользуется для своих целей. Но империализм есть лишь путь, судьба народов и государств. Он несет в себе семя смерти. На смену ему идет всемирный империалистический коммунизм. И самая идея принудительного всемирного единства и господства есть ложная и призрачная идея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.